Улитка

№ 16
весна
2017

интернет-журнал поэзии хайкай

www.ulitka.haiku-do.com

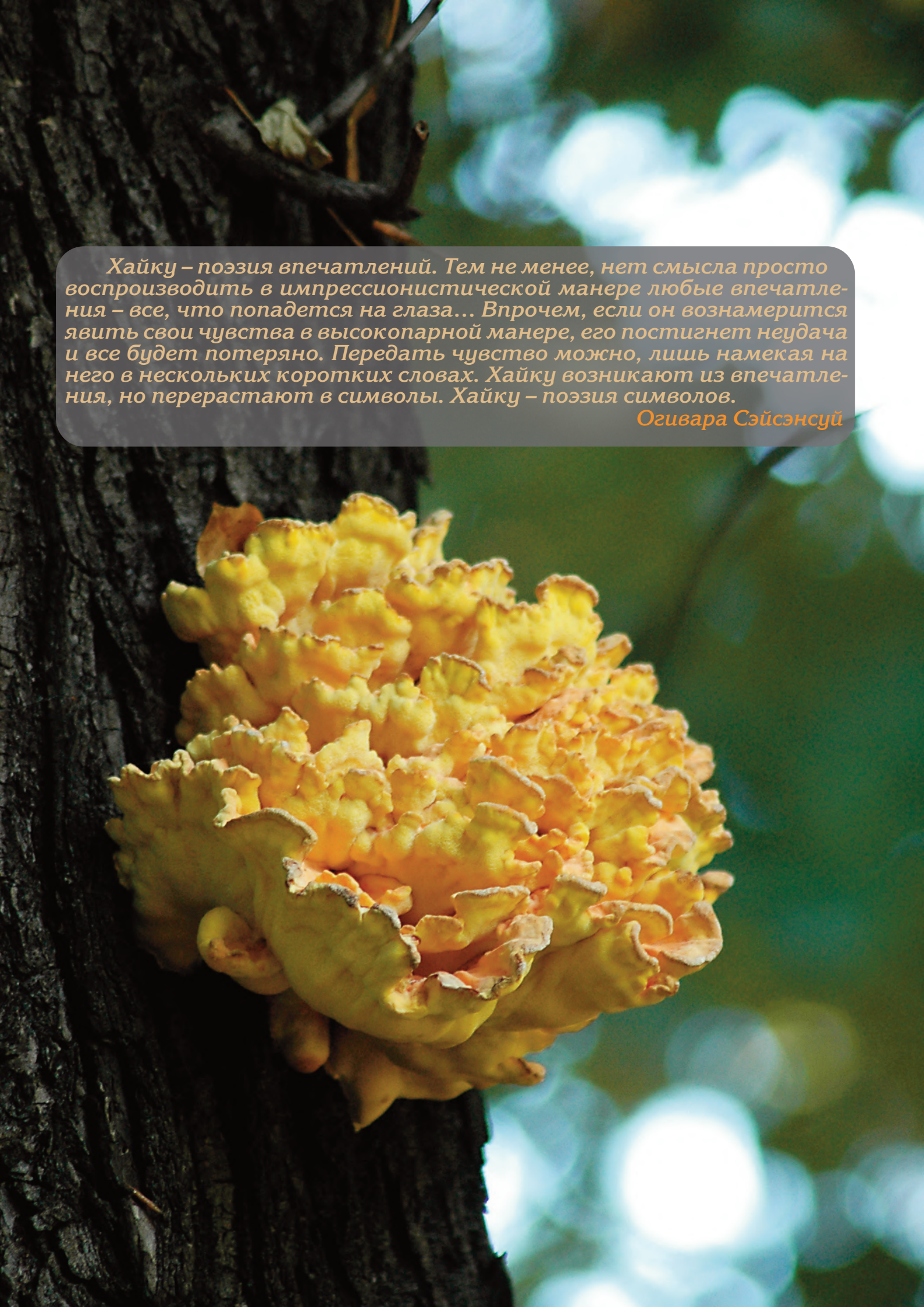
Танка и вака:
где зарыта собака?

Возрожденный
ТОП номера

Столичные штучки
от Петра С.

Хайку черной Африки

Большая маленькая Италия:
Пьетро Тартамелла и К°



Хайку – поэзия впечатлений. Тем не менее, нет смысла просто воспроизводить в импрессионистической манере любые впечатления – все, что попадется на глаза… Впрочем, если он вознамерится явить свои чувства в высокопарной манере, его постигнет неудача и все будет потеряно. Передать чувство можно, лишь намекая на него в нескольких коротких словах. Хайку возникают из впечатления, но перерастают в символы. Хайку – поэзия символов.

Огивара Сэйсэнсуй

Колонка редактора

Здравствуйте, дорогие читатели!

Вообще-то, правильнее было бы поздороваться с вами в этот раз как-нибудь вот так: **Ciao!** Или **Buona giornata!** Потому что в процессе подготовки номера он ощутимо напитался ароматом Италии. Мы вводим новую традицию (кстати, очень приятное занятие для редакции — заводить традиции, хотя и хлопотное, осознаём) – знакомить наших читателей с положением дел в хайкусообществах российских регионов (краснодарские хайдзины в обзоре прошлого выпуска) и других стран (Болгария в интервью с Дариной Деневой). На стадии проекта обзоры про хайкай в других странах. Что будет в следующий раз – делайте ставки, господа!

А еще мы возродили традицию озвучивания самых удачных, по мнению редакции, текстов номера, с аргументами и размышлениями про то, чем был обусловлен выбор. Некоторые члены редколлегии явили миру накопившееся своё. Пётр Савченко (ака Петрик) поделился с нами графическими скетчами с трехстишиями – такие мгновенные репортажные "твиты" фломастером + хайку.

Об истоках приема, о котором мы спорим периодически до хрипоты, т.е. об «отсылке к предшествующей литературе для расширения семантического поля», иными словами, об аллюзии (хонкадори) и его месте в творчестве Фудзивара Тэйка, вы прочтете в нашей традиционной «теоретической» рубрике.

В этом номере публикуем отобранные тексты всех авторов, приславших свои подборки, никто не отсеялся, и это произошло впервые, если мне не изменяет память, хотя ремарки от редакторов (это заметно даже по тому, что транслируем в номер) в этот раз весьма диалогичны.

сумерки начала ноября
как тогда отвалилась ножка стола
так и живём
(Иса)

Удивительно, но самым частотным образом я рискну назвать снег. Его в этот номер навалило ой как много!

снег и снег...
заметает табличку
«По газонам не ходить»
(Ирина Касатонова)

снег набекрень...
или в черную землю
или в белое небо
(Полина Печерская)

Даже в хайбунах метели и снегопады разлеглись (у Радиона Хузина и Лады Турбиной). Но всё не так холодно (хотя местами и одиноко: см. итоги конкурса «Сто шагов одиночества»), потому что в пику снегам в номере много чего весеннего и теплого. Да вот хотя бы

лужайка у церкви
на солнечной стороне
одуванчики
(Н.Гранкин)

Или даже так:

Сад без детей одуванчики необдутые
(Гвидо Купани)

Вот такие прелести ждут читателя в этом номере. А мы ждём ваших отзывов. С нетерпением ждем сентябрьских результатов МКХ-9 (Международного конкурса хайку на русском языке), чтобы сделать обзор на страницах нашего журнала. Ждем ваших книг, дорогие хайдзины, чтобы проанонсировать их здесь, издавайте уже!

И еще одна "скромная" новость напоследок: наш журнал, наряду с другими периодическими редактируемыми изданиями, включен в каталог международной хайкубиблиотеки, стоим с иноязычными коллегами на одной журнальной полке, всему миру доступны:

http://www.thehaikufoundation.org/omeka/items/browse?collection=8

Приятного чтения!

Дежурная по передовице
Элина Витомская

Содержание

Современные хайку 4
Тема номера 50
Сэнрю 70
Фристайл 82
Фотоку \ Хайга 85
Хайбун 92
Традиционные хайку 98
Танка 103
Рэнга 104
Критика \ Статьи 116
ТОП номера 128

В этом номере:

Константин Авхимович
Аджей Агей Баа
Винченцо Адамо
Стефания Андреони
Елена Анохина
Сергей Баталов
Элиза Бернардинис
Татьяна Бреславец
Мария Лаура Валенте
Ирина Ваци
Виктор Ветлин
Элина Витомская
Александр Галкин
Николай Гранкин
Дарина Денева
Андрей Евгеньевич
Евгений Иваницкий
Анджола Инглезе
Эцио Инфантино
Джузи Кантоне
Лючия Кардилло
Ирина Касатонова
Ниёля Керушаускене
Алексей Ким
Елена Колобкова
Людмила Кондратова
Сергей Курбатов
Антоньетта Лозито
Михаил Ляблин
Оока Макото
Анна Мартьянова
Валентина Назарова
Андрей Насонов
Франческо Палладино
Мария Панфилова
Полина Печерская
Яна Полтарак
Алексей Пральников
Петр Савченко
Слава Сахалинский
Валерия Симонова-Чекон
Мария Тереза Систи
Людмила Скребнева
Нелли Сливинская
Светлана Соколова
Ольга Сторожева
Андрей Сулима
Сергей Сулоев
Оксана Суханова
Павел Сухолинский
Пьетро Тартамелла
Лора Тасси
Борис Тихомиров
Лада Турбина
Виктория Углянцева
Алексей Фан
Радион Хузин
Ольга Черных
Елена Шастина
Александр Шитковский
Сергей Шпиченко
Игорь Шуган
Варвара Юшманова
Владимир
Иса
Кассандра
Оксана
Сэнди
ЮЮ

интернет-журнал поэзии хайкай УЛИТКА
www.ulitka.haiku-do.com
весна 2017 ¦¦ выпуск 16

Полная или частичная перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

РЕДАКЦИЯ ulitkaonline@gmail.com
Гл.редактор Александр Кудряшов (Graf Mur)
Редакторы Элина Витомская (ЭВ)
Марина Даренская (МД)
Анатолий Ильц
Лариса Семенова (Иса)
Елена Шастина (Shen)
Логотипы Саша Чекалов
Обложка anonim
Фото в журнале anonim
Дизайн и верстка Александр Кудряшов
Элементы дизайна SuiseDok

Следующий номер "Улитки" выйдет осенью 2017 года

Виктор Ветлин

«с глубоким поклоном»
в письме из деревни
каждая буква

ночной полустанок
неоном светясь
в дожде проплывает «Рыба»

бегущие дни
и только этот
цветок тыквы

мечты о море…
надувает весенний ветер
пододеяльник

стая чаек
где вчера был островок
синее небо

цепкий чертополох
длятся и длятся
летние дни

синие дали
и только ветер помог
крылу мотылька

штришки снегопада
зарисована белым
ушедшая электричка

ветер весны
в луже приятно пружинит
тонкий ледок

Елена Колобкова

заметки на полях
петляет вдоль дороги
заячий след

скользко
на тропинке к колодцу
две вороны

заноза
снова вспоминается
вчерашний разговор

утрешнее молоко
извиняется хозяйка
за неметёный двор

стрекочут кузнечики
как будто и не было
грозы

Андрей Сулима

пересохло во рту
из набежавшей тучки
ничего

квакша на тростинке
сидит не шелохнётся
не клюёт

под шелест дождя
пишу и стираю "привет"
слишком сухо

звуки скрипки
бумажный самолётик
в шляпе музыканта

конец фильма
спускаюсь по титрам
до самого дна

первый снег
пугало в огороде
опустило руки

Андрей Сулима

Оксана Суханова

пропащее Рождество
хмурится в луже
первая звезда

воробьиный скок
по утреннему снегу
увеличивается день

каждое утро
разбегаемся в стороны
одноименные полюса

босиком по лужам
уже никогда не увидит
мама

по облакам
перебегает на тот берег
девочка в красном

прошлое лето
как много бы мог рассказать
куриный бог

Оксана Суханова

Стараюсь прочувствовать жизнь по максимуму. Отсюда много всякого разного, в том числе и профессий, хотя самая основная и, несомненно, любимая – журналистика. Все остальное идет дополнением по принципу "журналист меняет профессию". В хайку новичок. Да и вообще везде новичок. Самое страшное, на мой взгляд, – почувствовать себя профессионалом и забронзоветь. Значит, пора бежать, и чем быстрее – тем лучше.

Алексей Фан

никто не приехал
утопают в одуванчиках
цветущие вишни

домик улитки
поздней ночью
мысли по кругу

закрытие сезона
просили оставить
ключ в замке

первая синица
торговец на рынке врет
про абхазские мандарины

мертвый сезон
слышны на ветру
проволочины флагштоков

Варвара Юшманова

Из всех цветов осени
Я выбрала один —
Цвет твоих глаз.

Хоть бы одна снежинка…!
Новый год встречаю
На чужбине.

Некому покрасить
Садовый заборчик.
Старые ссоры

Цветение в саду.
Как глупо смотрюсь я
В своём черном платье.

Наконец отладили
Эти качели.
Синее небо

Варвара Юшманова
Родилась в Братске в 1987 году. Жила в разных городах России. Сейчас - в Москве. Выпускница Литературного института им. А. М. Горького (семинар поэзии Игоря Волгина). Публиковалась в нескольких поэтических сборниках и журналах. Финалист Международного Волошинского конкурса (2013). Лауреат премии имени Риммы Казаковой «Начало».

Михаил Ляблин

детская карусель
мама поправляет причёску
пока делается круг

пузыри по лужам...
мальчишка
в прозрачном дождевике

чердачный мотылёк...
примостился на стуле
старый патефон

одна за другою
волны залива...
на краешке мыса костёр

сейчас сядет солнце...
тень машет
другою рукой

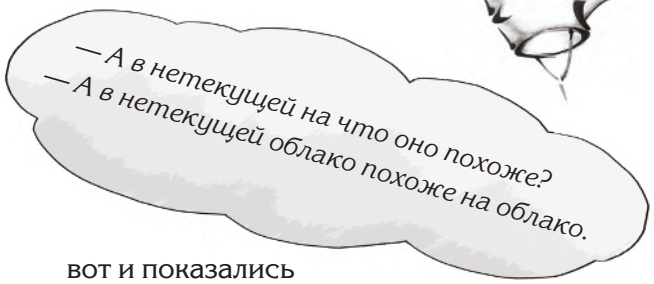
из рук в руки
передал светлячка...
твоя линия жизни

Невесомое счастье, о котором мы не подозреваем в детстве, запахи травы и парного молока, открытый день для радости. Молоко заплетается с образом мамы и с летними каникулами в одно целостное ощущение. Внимание к близкому, такое привычное, — ценность, которую мы принимаем не глядя. И отдаем потом своим детям. Должны отдавать.

две луны
в тихом поле...
одну чуть сносит река

летнее утро...
мамина записка
под стаканом молока

сохнут капли на теле...
на что похоже облако
в текущей реке



вот и показались
стручки фасоли...
солнцу подставляю щеку

посчитал кольца
и нашел место рождения..
день после грозы

на листе клёна
твёрдая прожилка..
завораживающая тишина

дождливая неделя...
лучи заходящего солнца
в последних кадрах кино

к вечеру
показался месяц...
прерванный ритм облаков

так и мотает
со стороны в сторону...
закат в тёмном купе

никого не встретив
растерял по дороге...
собранный из листьев букет

химиотерапия...
пожелтели и опали листья
больничного клёна

как о ближайшем будущем
говорит о смерти
старик

глубокая осень...
ветви ивы сносит
тихая река

опять улетели...
ожил охотник
в желтом тростнике

вдруг наберёт воздух
и выдохнет...
пугало на осеннем ветру

Годовщина...
полиняли после морозов
искусственные цветы

снега снега...
чёрными мазками
полупетли ручья

Ниёля Керушаускене

за окном вьюга
читаю вслух твои
старые письма

ущербная луна
после ссоры –
в разные комнаты

новостройка
меняет русло ручья
каменная стена

надгробный камень
помню каждую морщинку
на твоём лице

перелетные птицы
между нами молчание
еще наглядней

Алексей Ким

мелкий дождь
в дневнике фотография деда
с уголком

подпись на фотографии
из трех слов различимы
пара букв

низкое солнце
упал не раскрывшись
бутон гибискуса

не обнялись
на пустом перроне
поземка

метель
вне очереди
поливаю декабрист

кончается кофе
где-то под кроватью
второй тапок

бессонница
на альбомном листе
цветные кляксы

Вот так закрываешь глаза — и разноцветье сразу. Нутряной образ маеты от бессонницы, что-то типа пятен роршаха перед глазами вместо сновидений.

оттепель
на свое место вернулась
твоя фотография

фотография отца
каждую весну примеряю
седину, морщины

двор детства
желтее обычного
луна

золотая свадьба
на капоте "копейки"
старая кукла

и ветер стих
то по часовой, то против
калейдоскоп

солнечный зайчик
на серой стене
крестики-нолики

теплые камни
замер
лесной муравей

Константин Авхимович

хор кузнечиков
заполняет всё вокруг
янтарный свет

пыль на флейте
за последние десять лет
нечего вспомнить

банка с кофе на столе
кошке нечего
сбрасывать с полки

разговор о погоде
никто не решится первым
положить трубку

полощу горло
паук в углу перебирает
лапками

из окошка не видно
но там за домами лес
колкий листик алоэ

снегопад
никто не узнает
что ты у меня

вершина горы
бабушка толкает ногой
санки

- Параллель с "царем горы" забавная вырисовывается.
- Неожиданное по контрасту сочетание бабушки и санок, и бабушка тут сильная, ничего общего со старческой немощью.

последняя пара
с ветки за окном
спрыгнула синица

в ночном трамвае
некому передать за проезд
полная луна

Николай Гранкин

луч солнца
под столом
ночной мотылёк

Такое естественное хайку — свесившись головой вниз увидеть под столом ночную мохнатую бабочку, притаившуюся до следующей ночи. Луч высветил дорожку, и любопытный заглянул под стол.

летнее утро
как будто моторчик
внутри воробья

утренний пляж
мальчик выводит на песке
девичье имя

тропинка
на пути к облакам
цепляюсь за камни

сломанная косилка
путаются под ногами
бабочки

жара
свернулся кольцом
поливочный шланг

остановка в глуши
всё рассказал о себе
незнакомый старик

полдень
отмахиваюсь от бабочки
раскрытым веером

отправление
у женщины-контролёра
причёска каре

- Прямо-таки звуковое на-
блюдение — контрролёр-карре!
- Да-да, вообще звонких рычащих много. Тут
и визуальная картинка совпадает, не только
звуковая. Каре, по сути, тупик. И всем пассажи-
рам-зайцам будет кирдык, если такая тётя мате-
риализовалась в конце вагона и после
отправления будет проверять билеты.
- Ну да, жесткая барышня, при исполне-
нии, с резкими контурами.

свежий ветер
на дорожке парка
лошадь в шляпе

заминка на крёстном ходу
девочка поднимает с земли
улитку

Вообще-то пишется “в
крестном ходе” — это спец. склоне-
ние, такой местный падеж. И без “Ё”. Но ре-
дакция решила оставить авторский,
разговорный вариант написания. Без этого
уходит игра слов, исчезает подсмысл
“заминка на ходу.”

летний вечер
у девчонки на майке
якорь

летний вечер
моя тень в тачке
с сорняками

млечный путь
открываю дверь
маминым ключом

старый дом
вслед за хозяйкой
ушёл и кот

пасмурное утро
на стекле фонаря
распластанный мотылёк

дождь
расплываются рыбки
нарисованные на асфальте

глубокая осень
кот провожает взглядом
улетающих птиц

закат
хризантемы сливаются
с небом

Андрей Насонов

утренняя электричка
ворона ищет куда бы
бросить орех

родной биофак
пожелтевшие от «Примы»
усы учителя

и сюда добралась
в подземном переходе
листва

прохожие
бездомный котёнок
ловит тени

осенний парк
чуть более оранжевый
дворник

задождило
бомжу в сквере
пожертвовали палатку

прогулка
оставляют круги на воде
рыбы и дождик

***Андрей Насонов**, Краснодар*

Полина Печерская

рядом!
садится со мной на велосипед
бабочка

бабье лето
позабыли выключить
желтые фонари

октябрь
с каждой поездкой за город
домов всё больше

первый снег
добавляю специй
в глазунью

наши следы
будто вместе идем босиком…
тоненький снег

первый снег
превращаются в санки
пляжные лежаки

снег целый день
пробую пройтись
той же тропинкой

заглядываюсь в лужи
вот-вот и…
весна

Ольга Черных

вешние воды
нотка дурмана
в её духах

домик у моря
повёрнуто кресло
лицом к стене

тихий час
воспитательница
читает смску

июльский полдень
цвета сухой земли
ее платье

Игорь Шуган

слепой дождик
под раскидистым дубом
обнялись два велосипеда

июльское утро
солнечный зайчик
прыгнул на твоё плечо

слепящее солнце
в бездонном небе не видна
пара голубей

Эй, вы там, под зонтом!
лупит по лавке
летний ливень

вечереет
вместо заката в окне
развешенное бельё

светлая ночь
на крыше дома сама собой
стихла беседа

роман завершён
она так и не перезвонила ему
мне

- Смена лиргера интересная. И роман тогда ярче в обеих ипостасях — и реальный, и написанный, и автор-герой меняются местами, живут друг в друге.
- Да, человек от стороннего наблюдения идет к тому, что роман-то про него.

Радион Хузин

солнце в облаках
в разные стороны
смотрят вороны

с боку на бок
вот и Арктур коснулся
верхушки липы

тусклое солнце
тысячью мелочей
листья летят

eine kleine nachtmusik
обернулся капелью
вчерашний снегопад

тихий рассвет
ни веточки не пропустил
этот иней

Лада Турбина

рассвет в Коктебеле
под цветущий миндаль
и поглупеть незазорно

тофу с аджикой
есть нечто подлинное
в попрании догм

у садовой ограды
снег почти перешел
на сторону лужи

стих снегопад
ты ведь тоже чувствуешь это
птица без имени

снова метель
стопка контрольных работ
еще без отметок

книга Иова
как же хочется с грохотом
схлопнуть торосы

последний день зимы
обещать несбыточное
так просто

звонкое солнце
все шире и шире
полынья на Пахре

снег — перечеркнуто
зима — перечеркнуто
плывущие льдины

Елена Шастина

овсяный кисель
ранним утром прогулка
по влажным холмам

давно не виделись…
в кармане спортивных брюк
белая бусинка

аллея героев
на бронзовых лицах
тени шумящих ветвей

черничный вечер
размывается надпись
на банке варенья

ночная гроза
время дочитывать книги
подаренные давно

Елена Шастина,
г. Новосибирск

январское утро
слепяще-алый цвет
изнанки век

омулёвая бочка…
над байкальскими льдами
алеет рассвет

неловкая пауза
медленно тают
круглые кубики льда

ежедневник
прежде чем открыть
вытираю пыль

здравствуй, дневник!
нет новостей сегодня,
просто живу

Иса

ландышевый, мамин
ненавязчивый запах духов
пожилой попутчицы

сумерки глубокой осени...
попалось под руку
резать лук

шуга по реке
чуть не вошла в роль
любимого кем-то человека

занимаю в долг соседке
принёсшей другой сорт
поздних хризантем

осенние сумерки
мамин поцелуй
пахнет бархатцами

осенний ветер
учащается пульс
немолодой женщины

короткий прозрачный день
в маминой комнате
доцветают петунии

белый ветер
кожа на её руках
вытертым ситцем

межветрие…
перебираем семена
цветов и овощей

осенний вечер…
чужая кошка
напрашивается дружить

сумерки начала ноября
как тогда отвалилась ножка стола
так и живём

мокрый снег
всё натыкаюсь
на пост об усыновлении

свежий снег…
так и не распаковано средство
для стирки воротничков

зимний день прирос
на зов мамы ребенок
ковыляет в другую сторону

к последнему зимнему
из снегопадов
добавляется мамин голос

пока жарится таймень
просто смотрю
весенний рассвет…

весенний вечер
гармошкой книзу
колготы старушки

нецветущие еще незабудки
и ландыши – вот и вся межа
с соседями

лёгкая прохлада
а всего–то навсего
мальвы под окном расцвели

густые сумерки
зовёт, уже попрощавшись,
мама за букетом ландышей…

летний вечер…
на рассаде кабачков
шляпки из семечка

летняя кухонька…
присобраны сиреневые шторы
деревянными прищепками

прохладные сумерки…
отвлажнели в натопленной бане
сухоцветы на семена

и у людей тоже
случается бессонница…
летние фонари

Сергей Шпиченко

малая родина
пятном на светлом костюме
тень яблони

задний двор
у снятой с петель двери
ключ в замке

обмелевший пруд
вращает пустоту
мельничное колесо

безымянная высота
с каждым шагом
отступает туман

хижина рыбака
на оконном стекле
следы собачьих лап

низкая луна…
достаю из колодца
выгнутое ведро

зябкий ветер
закрывает собой луну
спелый подсолнух

звёздная ночь
вровень с луной
влюблённые на мосту

первая ласточка…
в записной книжке сына
телефон одноклассницы

городской стадион
на афише матча
оборвано время

Яна Полтарак

молодая трава
пускает зайчики
придорожный осколок

синий платочек
под образами в тряпице
горсть сухой земли

круглая луна
засветлела боками
крынка на плетне

по луне в каждой луже
завтра снова зашумит
осенняя ярмарка

шанс примирения
смотрю и смотрю
на последний лист

край предзимья
сквозь прозрачные кроны
небесный свет

тихо-тихо
зацепилась туча
за выбеленный холм

промозглый день
зреет в тёмном углу
матушкина настойка

Яна Полтарак *(polyanka), Санкт-Петербург*

Александр Шитковский

встретились взглядом
крест-накрест
дорожки в снегу

старый мостик
ко дню Валентина
срезают замки

зимний рассвет
плавной поступью
поднимается крановщица

без ценника
в подвальчике на Невском
старинный метроном*

всё пройдёт
улыбается с полки
старая кукла

** Образ метронома выступает не только как главная отличительная деталь блокады, но и как нечто священное, неприкосновенное. Радио посредством неумолчного стука метронома связывало людей, даже когда замолкал голос диктора. В блокадном Ленинграде работающее радио означало, что еще не все кончено, что еще есть надежда. Для людей, которые не выключали радио, звук работающего метронома был биением сердца страны: раз оно еще не утихло, то нужно и дальше держаться и не оставлять надежду.*

двое на мосту
у неё в руке
незабудки

парковый пруд
подплывает к луне
соломенная шляпка

дикий пляж
собираем друг с дружки
капли дождя

запах карболки
в далёком саду
поёт соловей

случайная встреча
разгребают вороны
жухлые листья

вечерние шорохи
в тёмном углу
своя жизнь

Александр Шитковский, *г.Энергодар, Украина*

ЮЮ

темнеет все раньше
нет выходных
у синего зонтика

запах осени
уже переоделись
городские бомжи

листья под ногами
улыбаюсь
первому встречному

прости — прощаю
вот и вся
лента новостей

Нелли Сливинская

вечерний туман
огромными одуванчиками
аллея фонарей

просвет синевы
подгоняют облака
ветряки

ветреный
перелистываю
записную книжку

Павел Сухолинский

прозрачный рассвет
звездочки альстромерий
в китайской вазе

всю долгую зиму
не виделись мы с тобой
камень у дороги

дорожный посох…
и на этой ветке когда-то
сидела птица

первый солнечный день
в кармане сегодня идёт гулять
моя шапка

Сергей Курбатов

потеплело
пока отражался
в старом зеркале

по одной
никак не могу собрать
звёздное небо

полный штиль —
засыпает листва
бумажный кораблик

коснулся неба,
погружая ладони
в прошедший снег

Кассандра

Первый снег.
Не удалась охота
У черного кота.

Глаза в глаза –
Маленький воробушек
На подоконнике.

Детская площадка.
Мальчик хвастается
Отцом космонавтом.

Ирина Касатонова

завтра весна
залетают шальные снежинки
в пасть каменного льва

запах свежей побелки
гнедые бока
пасхальных яиц

билеты в ботанический сад
на ростки тюльпанов нанизаны
прошлогодние листья

Евгений Иваницкий

Копим
на путешествия.
Сирень в снегу

И два лепестка
под октябрьской хризантемой,
И слёзы – от ветра

Евгений Иваницкий
Читаю знакомым хайку (и классику, и современные), но далеко не всегда встречаю понимание. Зато от встречи по итогам МКХ-8 осталось замечательное воспоминание: столько незнакомых людей, и при этом ощущение родства с ними. Спасибо хайку! И спасибо "Улитке"!
Авторская страничка –
http://www.stihi.ru/avtor/name4

Послушай и ты, пёс,
что обещает зимой
пустая ракушка

Александр Галкин

Уснуть бродягой
Под звёздным одеялом…
Июньская ночь.

Летние дожди…
Как же он идёт тебе,
Зелёный свитер!

Сергей Баталов

Фотографии летние взял –
И не верится.
Осень.

В комнату вошёл,
вперед себя пропустив
зимнюю стужу…

На оконном стекле
отпечаток монетки.
Смотрю на дорогу…

Анна Мартьянова

от сырой и холодной зимы
есть у меня лекарство
– маленький мандарин

Анна Мартьянова
Живу в Минске, по образованию график-дизайнер, преподаю в БНТУ. Лет десять назад попал в руки самодельный сборник стихов белорусского художника (и хайдзина, несомненно) В.Ракицкого. С тех пор некоторые мысли и впечатления стали приобретать форму трехстиший. Пока нигде не публиковалась.

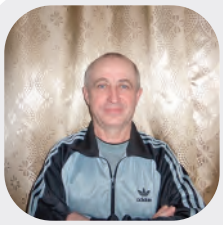
о чём-нибудь
давай помолчим,
пока заварится чай

проводила дочурку
теперь допиваю
чай, что она заварила

Сэнди

Пели и пили –
Пугали ласточек,
Спящих под крышей

Сэнди
Топ-менеджер российской компании, по образованию – астрофизик. Возраст 48 лет. Несколько лет интересуюсь поэзией хайкай. "Улитка" для меня стала литературным открытием. Хайку нигде не публиковал. Начинающий хайдзин.



Сергей Сулоев
Профессия техническая, жизнь романтическая. Работал на рыболовных судах, в нефтянке на Крайнем севере, сейчас на пенсии.
Лет десять увлекаюсь эзотерикой, таким обширным учением как адвайта. Хайку очень близко к данной философии осознания мира. Не нужно никуда идти, достаточно быть там, где мы есть.

Сергей Сулоев

Бабушка – правнукам:
И мы играли. В концлагере.
Хоронили букашек.

Adjei Agyei Baah
Аджей Агей Баа

перевод с англ. Валерии Симоновой-Чекон

dawn —
the distant sound
of my neighbour's broom

рассвет —
издалека звуки
метлы соседа

wooden doll —
the dry laughter
of an African child

деревянная кукла —
сухой смех
африканской девочки

leafless tree
lifting a cup of nest
into the sky

дерево без листьев
поднимает чашу гнезда
к небу

dawn rivalry —
a muezzin
and a rooster

на рассвете
соревнуются муэдзин
и петух

end of the month
that pleasant smell
of payday

конец месяца —
этот приятный запах
дня зарплаты

evening lull
smoke curling up
from an easy chair

вечерняя тишь
вьется дымок
из кресла-качалки

garden reading
a ripe mango drops
with a splash of red ants

читаю в саду
спелый манго упал
всплеснув красными муравьями

deserted shore
the wind sharpens its voice
over a conch

пустынный пляж
ветер оттачивает голос
о ракушку

kind bartender —
he lifts a drunkard's head
to wipe the table

добрый бармен —
поднимает голову пьяницы
протирая стойку

just a moment —
distant lightning connects
sky and earth

всего мгновение —
соединяет молния
небо и землю

Аджей Агей Баа *– один из соучредителей Поэтического Фонда Ганы и Хайку Сети Африки. В 2015 г. вместе с Эммануэлем Калусианом организовал "Mamba Journal", первый международный журнал хайку в Африке.*

Итоги конкурса хайку и танка "Сто шагов одиночества"

Когда дома никто не ждет, даже кот...

Анонимный конкурс традиционно проходил на сайте www.konkurs.хайдзин.рф/haiku в марте 2017 года. На конкурс было представлено 177 трехстиший и 26 пятистиший.

Жюри конкурса — редакция "Улитки" — поздравляет победителей!

Хайку-итоги

1 место

2 место

3-4 место

3-4 место

5 место

друзья, враги..
на всех один рингтон –
осенний ветер
(Александр Шитковский)

6 место

фильм о любви
вместе смотрим
каждый у себя
(Валентина Назарова)

7 место

двухспальная кровать
всегда на своей половине
старая дева
(Дарина Денева)

8 место

кофе в одиночку
такой неожиданный
последний глоток с сахаром
(Дарина Денева)

9 место

все больше того
что остается помнить —
сияет луна
(Алексей Фан)

Два текста Алексея Фана написаны в одной интонации, хотя и разъехались в турнирной таблице, но хайку удивительно гармонично смотрятся вместе. Бывают легкие (но не легковесные) трехстишия, чудесные своей прозрачностью, мелодией сюжета, мягким послечувствием. Как позвякивание ключей под шум весеннего дождя. Эти - не такие. Они - мощные сразу, много весящие за счет философской составляющей. Эти глубокие рассуждения грамотно уравновешены ёмкими, сакральными образами-символами луны и звезд. Это хайку, не подспудно бередящие, а копающие конкретно под тебя своими смыслами. Искренние хайку, удерживающиеся на грани жанра и не скатывающиеся в раздумчивое изложение парадоксов в три строки. Мудрые хайку, заставляющие заглянуть в ящики своего внутреннего комода…

10-11 место

глухая деревня.
три свежих тропки к сельпо,
одну замело
(Борис Тихомиров)

10-11 место

первый снег
пугало в огороде
опустило руки
(Андрей Сулима)

12 место

дом на отшибе
вместо замка
ивовый прутик
(Елена Колобкова)

Это тихое, медитативное трехстишие Марии Панфиловой не получило высоких баллов, однако хочется отметить его соответствие теме конкурса — "Сто шагов одиночества". И это замечательный прием — вот так буквально отреагировать, так мысленно перенестись в аллею парка или на лесную лыжню. И сделать без намеков на психологические неурядицы и несовместимости; вот опушки, от людей, тем больше её осязаешь. И замечаешь, что скворечник без дна становится бездонным скворечником. А если постоять у обреченного на спил дерева — там своя тишина... Такое можно ощутить, только сделав немало шагов одному. В полном и безоговорочном одиночестве

13 место

сезон дождей
уже не спорю
с охрипшим радио
(Светлана Соколова)

14 место

разговор по душам
на сдачу
горсть облепихи
(Светлана Соколова)

15-16 место

тишиной полны
дерево с красной меткой
скворечник без дна
(Мария Панфилова)

15-16 место

другие деревья...
дюшес и фото бабушки
в его кармане
(Светлана Соколова)

17 место

край неба
дожила до весны
красная герань
(Светлана Соколова)

18 место

то что связала
за десять последних лет
учусь распускать
(Мария Панфилова)

19 место

Годовая пыль
В бабушкиной вазе
сухой мотылёк
(Ирина Касатонова)

20 место

состарился
твой номер телефона
(Люка Акимова)

21-22 место

остался закрытым
последний конверт
из Кремля
(Алексей Фан)

21-22 место

дачные макароны
из всех друзей
только Синатра
(Слава Сахалинский)

23 место

звонок из-за границы
поздравляет с днём рождения
шум дождя
(Сергей Шпиченко)

24-25 место

утренний чай.
обсуждаю с фиалками
свежие новости
(Лора Тасси)

24-25 место

убывающая луна
сам с собой по дороге
разговаривает бомж
(Виктор Ветлин)

26-27 место

ночной полустанок
мелькает огонёк сигареты
на той стороне
(Сергей Шпиченко)

26-27 место

густой туман
желаю здоровья
чихнувшему невидимке
(Людмила Кондратова)

28-30 место

От метро к дому
В шаговой доступности
Одиночество.
(Андрей Евгеньевич)

28-30 место

а вот и попутчик
согреваю в руке
ещё влажный каштан
(Александр Шитковский)

28-30 место

соседи разъехались.
в одно и то же время
включаю чайник
(Лора Тасси)

31-32 место

миска под окном.
уже седьмое лето
не приходит кот
(Лора Тасси)

31-32 место

Сосед по комнате
В сотый раз читает
Письмо от сына.
(Сергей Сулоев)

33 место

ну хоть ты побубни
«плюс три, лёгкий туман
у нас в городе»
(Ирина Касатонова)

Танка-итоги

1 место

2 место

уткнувшись в ворот
прошел чужой прохожий
забилось сердце...
к такой же точно куртке
я пуговицы пришивала
(Людмила Скребнева)

3 место

пусть не голос
а всего лишь листьев шепот
напомнит
что кто-то в этом мире
ждет тебя
(Валентина Назарова)

4 место

холодный рассвет
за прокуренными занавесками...
и никого,
кто ещё помнит,
что это день его рождения
(Яна Полтарак)

5 место

разминулись
и еще пронзительней
одиночество
ах, догнать бы
да обнять тебя со спины!
(Валентина Назарова)

6 место

прогулка
по собственным мыслям
со вчерашнего вечера
стала совсем не страшной
тишина снегопада
(Валентина Назарова)

7 место

стреляю глазами
бац-бац... и мимо...
проходишь
не ранен, не убит,
свободен
(Валентина Назарова)

Валерия Симонова-Чекон

Тенденции развития хайку в Италии в последние годы

Около тринадцати лет назад мои друзья из редакции альманаха «Хайкумена» попросили написать статью о хайку в Италии. Я неплохо говорила по-итальянски и сразу же записалась на итальянский форум Международного Клуба Хайку (World Haiku Club). Попросив помощи у членов форума, я получила ответ и поддержку лишь от одного из них по имени Андреа Чекон. В результате мы поженились и я переехала в Италию, а статья, к сожалению, так и не была написана. Я просто поняла, что писать, даже с помощью Андреа, на тот момент было почти не о чем, так как развитие жанра хайку в Италии, по сравнению с другими европейскими странами, происходило гораздо медленнее и «заторможеннее».

Зато теперь, по прошествии одиннадцати лет моей жизни в Италии, ситуация очень изменилась. И теперь я наконец-то могу «закрыть гештальт» и рассказать об итальянских хайку.

Самая старая ассоциация хайку в Италии, «Ассоциация Друзей Хайку» (Amici dello Haiku), была образована ещё в конце восьмидесятых в Риме, но её деятельность была скорее спорадической, и в последние годы она почти неактивна. В середине двухтысячных на сцену хайку выступила ассоциация “Кашина Макондо” со своим оригинальным, хоть и довольно спорным, Манифестом Хайку – и на данный момент они являются самым известным и крупным центром притяжения для хайдзинов со всей Италии.

В 2011 году в городке Порденоне молодой хайдзин Лука Ченизи основал «Итальянскую Ассоциацию Хайку». Мы с Андреа «открыли» её годом позже и сразу же включились в работу. Андреа в результате даже стал там вице-президентом, а я написала много статей о хайку, сэнрю и ренку, опубликованных в журнале и в блоге Ассоциации. К сожалению, в прошлом году наша ассоциация прекратила существование.

Буквально в последние несколько лет группы хайку (главным образом – фэйсбук-группы) вдруг начали расти и множиться как на дрожжах. Именно в последнее время в Италии интерес к жанру особенно обострился и расширился.

Прежде чем продолжить рассказ об итальянских хайку, хотелось бы отметить, что такой вид коллективной поэзии, как ренга (ренку), в Италии практически неизвестен. Из коллективного творчества пишутся разве что тан-ренга (танка, написанные двумя авторами) или последовательность хайку от разных авторов. Кроме нескольких сессий ренку, организованных мной с итальянскими друзьями, есть лишь одна небольшая группа в Неаполе, под руководством Диего Росси, члены которой пишут ренку. В широких кругах любителей хайку о ренга практически не говорится.

Заодно скажу пару слов о сэнрю. В общем и целом, сэнрю в Италии считаются либо «смешными стишками», либо, по определению в манифесте Кашины Макондо, хайку без киго, и мало кого серьёзно интересуют. В последние пару лет ситуация начинает меняться, в основном благодаря деятельности нашей (уже почившей) Ассоциации хайку и группы итальянских сэнрю «Кукканья» на фэйсбуке. Но пока что это лишь деятельность очень небольшого круга моих друзей и знакомых. Основной фокус итальянских любителей кратких форм японского происхождения сосредоточен на хайку (хотя танка тоже пишут довольно часто, в основном – те же хайдзины).

Теперь несколько общих характеристик, отличающих итальянский подход к жанру хайку. В первую очередь это необычайная (по сравнению с другими западными странами) приверженность итальянских авторов к соблюдению правила 5-7-5 слогов и наличию сезонного слова (киго). Более 90% итальянских хайку написаны именно по этим правилам. Существует два способа счёта слогов, метрический и орфографический. Некоторые группы принимают оба способа, но некоторые «пуристы» всего один, более строгий – метрический.

Надо отметить, что поскольку подавляющее большинство итальянских слогов очень похожи на японские моры (состоят из одного согласного и одного гласного), звучание этих 5-7-5 отличается особенной плавностью. К тому же, могу подтвердить из собственного опыта: по-итальянски писать в этом формате дей-

ствительно проще, чем по-русски или по-английски. Но тем не менее, даже относительная свобода итальянского языка несравнима с возможностями японского языка и его поэтическими техниками, «заточенными» под краткие формы с сегментами 5 и 7 мор. В результате строгое соблюдение 5-7-5 в итальянском, по крайней мере на мой взгляд, довольно сильно ограничивает способы поэтического выражения в хайку.

Приведу, тем не менее, несколько примеров очень удачного соблюдения этого правила.

fredda la notte –
una tarma sfarfalla
dalla trapunta

ночь холодна –
выбабочкивается моль
из одеяла
(Севера Дизингрини)

Попробуйте прочитать итальянский текст и вслушаться в звучание: *у на тар ма сфар фалл ла...* Будто бабочка крыльями машет. Глагол «сфарфалларе» образован от существительного «фарфалла» (бабочка) и означает что-то вроде «порхать, подобно бабочке». Сложно перевести, но омонимический эффект налицо. Добавьте к нему особенную ритмичность и ассонансность остальных частей – и всё это строгие 5-7-5!

il plenilunio –
indisturbato un gatto
si liscia il pelo

полнолуние –
кот вылизывает шерсть
безмятежно
(Марко Пилотто)
(прим. редакции: подборку этого автора можно найти в предыдущем выпуске)

Вроде бы ничего особенного по содержанию, но попробуйте произнести все эти *плэ ни лу нио, си лишья иль пэло* («liscia» читается как «лишья», с мягким «ш»). Это добавляет больше гармонии, гладкости и луне, и кошачьей шёрстке.

il verde tenero
dei germogli di luppolo –
colpo di tosse

нежная зелень
побегов хмеля –
кха-кха
(Элиза Бернардинис)

Непросто адекватно перевести. Последняя строка – *colpo di tosse* – дословно это удар или даже выстрел кашля. По-русски мы говорим более общо – кашель, а тут именно один звук, один... кха-кха? Но здесь кроме интересного, отрывистого звучания текста, ещё и ториавасэ очень интересное – нежность зелени и первая весенняя простуда. И опять же – 5-7-5.

Приведу ещё одно стихотворение автора, очень строго придерживающегося метрического счёта слогов:

IL SOLE SALE
SULLA DESERTA SPIAGGIA
ANTICO TRONCO
(Винченцо Кампобассо)

Написание – авторское. Переведу традиционно, в традиционном для русскоязычного мира хайку виде:

солнце встаёт
на пустынном пляже
древнее бревно

Чередование «а» и «о» в оригинале мне кажутся очень благозвучными, напевными.

Наличие сезонного слова тоже очень важно и считается фундаментальной характеристикой. Более того, подавляющее большинство итальянских хайку – это именно стихи о природе, точнее о красотах природы. И это довольно резко бросается в глаза, особенно после русскоязычных и англоязычных хайку, львиная доля которых отражает бытовые, человеческие темы. Поскольку настоящих сайдзики в Италии нет, да и принцип хон-и (некий набор коннотаций, ассоциаций, особая атмосфера и чувства, закреплённые за каждым киго) практически неизвестен для киго, авторам приходится устанавливать необычные сезонные слова, чтобы расширить арсенал. Одним из примеров может служить концепт «маленького киго», придуманный Пьетро Тартамеллой. (Прим. редакции — о возникновении этого “пикколо киго” подробнее можно прочесть в интервью с П.Тартамеллой в этом же выпуске.) Некоторые группы даже не отдают себе отчёта в том, что «маленькое киго» — это именно итальянское нововведение. Многие искренне считают, что это оригинальный японский концепт и очень удивляются, когда им объясняешь, что ни в Японии, ни в других странах, нигде, кроме Италии, хайдзины о нём ничего не слышали. Про это расскажу небольшую историю. Один итальянский знакомый искал у японских классиков подтверждение «маленького киго», и в качестве примера привёл хайку о луне. Луна без названия конкретного сезона считается в Италии маленьким киго, поскольку говорит об определённом периоде суток. Я сообщила ему, что в японской поэтической традиции луна без других указаний – это киго осени. Он и его друзья долго удивлялись и не верили – пришлось написать небольшую статью о «лунных» киго в японских сайдзики. В результате, одна из читательниц выразила, думаю, общую мысль большинства: «Очень странно и интересно, но для меня луна – это маленькое киго».

Так что судя по всему, маленькое киго останется некой особой «фишкой» итальянских хайку и в будущем. Кстати, другие виды киго, придуманные Тартамеллой (киго темпоралис, киго мизуралис (по-русски это «киго времени» и «киго меры»), вне Кашины Макондо не прижились.

Много внимания принято уделять также и другим формальным аспектам: использованию заглавных и прописных букв, а также пунктуации. Например, в группах «Хайку = Простота, Ясность, Тишина» и «Три Строки Растущей Луны» знаки пунктуации запрещены (даже тире), первая строка хайку начинается только с заглавной буквы, а обязательная пауза (кире) после первой или второй строки отмечается заглавной буквой следующей за этой паузой строки (соответственно – второй или третьей).

Эти две группы неплохо иллюстрируют основной тренд итальянских хайку — внимание к формальным правилам, ориентированность на природу и т.п. Кроме этого, существование и образ деятельности этих групп напомнил мне традиционные ассоциации хайку и сэнрю в Японии: приверженность традициям и принципам, заложенным основателем, очень серьёзная сплочённость членов группы, перерастающая рамки просто совместного творчества, безоговорочное соблюдение принятых правил в рамках данной группы (некоторые её члены участвуют и в других проектах, где не обязательны правила этого сообщества). Добавлю, что при этом отношение к другим традициям и практикам написания в группах очень терпимое и открытое (не считая недавнего внезапного конфликта, вследствие которого одна исходная группа раскололась на две отдельные).

Конечно, существуют и авторы, пишущие вне сложившихся рамок, но на данный момент они находятся в подавляющем меньшинстве. Процитирую одного из самых талантливых – Гвидо Купани.

citta citta doppia doppia in ogni ogni pozzanghera

город город двойной двойной в каждой каждой луже

***

giardino senza bambini i soffioni non soffiati

сад без детей одуванчики необдутые

***

sul piatto della doccia capelli che erano miei

на полу в душевой когда-то мои волосы

Буквально в последние год-полтора итальянские хайку стали наконец-то массово появляться в международных изданиях. Должна признаться, что в начале этого процесса именно я приложила к этому руку. Для многих итальянских авторов первой международной публикацией стала публикация в «Ёршике» (недавно закрывшийся русскоязычный журнал сэнрю и кёка, в котором я была одним из редакторов). Потом некоторые стали спрашивать: а куда бы и как бы ещё отправить? В результате, если вы посмотрите, например, подборку лучших хайку за прошлый год англоязычной колонки Mainichi Shimbun, вы найдёте уже около десятка итальянских авторов. Кроме этого, можно назвать колонку «Хайку на рабочем месте» Джима Кейшна, онлайн-журналы хайку и сэнрю Otata, Failed Haiku, Cattails, а также англоязычную программу японского телевидения NHK Haiku Masters, где присутствие итальянских авторов стало уже регулярным. Интересно, что некоторые из этих поэтов при написании хайку в своей обычной италоязычной среде продолжают придерживаться правила 5-7-5 и сезонности, тогда как в произведениях на английском языке, согласно распространённой западной традиции, ведут себя гораздо более свободно.

В конце приведу несколько хайку итальянских авторов, опубликованных на английском языке в различных изданиях:

autumn wind
I'm the pomegranate
I'm its branch

осенний ветер
я – дерево граната
я – его ветка
(Лючия Фонтана (Mainichi Shinbun))

kintsugi tea cup –
the day I fell in love
once again

чайная чашка кинцуги –*
день, когда я вновь
полюбила
(Мария Лаура Валенте (Chrysanthemum))

**Кинцуги – японская техника скрепления трещин с помощью золота.*

after divorce
ice cream melts
drop by drop

после развода
тает мороженое
капля за каплей

(Эуфемия Гриффо (Brass Bell))

cherry blossoms –
too old
to look up

цветы вишни –
слишком стар
чтобы взглянуть вверх
(Паскуале Аспреа (NHK Haiku Masters))

Japanese dinner
the hole in my sock
speaks volume

ужин по-японски
дыра в моём носке
о многом говорит
(Марина Беллини (Haikuhut))

Валерия Симонова-Чекон

Интервью с Пьетро Тартамеллой

УЛИТКА:
Продолжая традицию знакомства наших читателей с зарубежными реалиями в мире хайку, начатую в предыдущих выпусках, представляем интервью с итальянским хайдзином, которое весной взяла для журнала Валерия Симонова-Чекон.
Редакции очень понравилось, как видит хайку Пьетро, его стремление к национальной самостоятельности жанра, и ещё смелость в определении как хайку того, что не вписывается в привычные японские каноны. А новые киго! Не исключено, что теперь некоторые из наших читателей тоже будут их использовать.

ВАЛЕРИЯ:
Реальность итальянского мира хайку довольно раздроблена, но ассоциация Пьетро — из разряда действительно серьёзных. Я думаю, что русским читателям будет интересно узнать об особенностях развития хайку на родине Данте и Петрарки.

Пьетро Тартамелла (Pietro Tartamella)
Родился в городе Кампореале (Италия) 18.04.1948. Проживает в жилом комплексе (что-то вроде имения, небольшой фермы) Кашина Макондо недалеко от Турина. Учился на факультете иностранных языков и философии Туринского университета. Писатель, журналист, уличный артист, рассказчик и профессиональный чтец. Организатор многих культурных проектов, в том числе касающихся хайку.
Работает с детьми и взрослыми, в школах любого типа, библиотеках.
Сайт культурной ассоциации Кашина Макондо:
www.cascinamacondo.com

1. Пьетро, ты президент одной из самых старых ассоциаций, которые занимаются хайку, в Италии – Кашина Макондо. И, кстати, первый итальянский хайдзин, которого узнали в России, многие тебя прекрасно помнят! За все эти годы мир хайку в Италии как-то изменился? Если да, в какую сторону?

ПТ: Не президент, а художественный директор. Президент Кашины – Анна Мария Веррастро, преподаватель и мастер по керамике. В этом году мы объявили уже пятнадцатый международный конкурс хайку на итальянском языке. Учитывая, что хайку мы занимались ещё до первого конкурса, можно сказать, что Кашина Макондо активна в области хайку уже около двадцати лет. Нам довелось поучаствовать также в различных международных конкурсах и фестивалях , где мы познакомились также и с русскими хайдзинами, которых ты имеешь в виду, и если они нас сейчас читают – передаю им сердечный привет.

Да, мир хайку в Италии очень изменился. Пятнадцать лет назад в Италии было лишь несколько тысяч людей, пишущих хайку, сейчас их уже несколько сотен тысяч. Но из-за этого возникает также больше путаницы, возникает множество разных течений и групп, которые следуют разным правилам, порой проти-

воречащим друг другу. Это довольно рискованно, потому что с одной стороны знания о хайку и практика их написания становятся в Италии всё более известными, но одновременно возможно уже было заброшено и семя, которое приведёт хайку в Италии к упадку.

Это семя разрушения – появление слишком большого количества хайку в Фэйсбуке и других социальных сетях, что лишают хайку тех «редкости и ценности», которые были им присущи ранее.

2. Кашина Макондо не является ассоциацией хайку в прямом смысле и занимается многими другими вещами. Можешь рассказать нам, почему и когда вы решили начать заниматься также и хайку?

ПТ: Для Кашины Макондо, с самого момента её основания в 1993 году, были важны два концепта: «интеграция» и «положительное взаимовлияние». Мы работаем с детьми, подростками, инвалидами, заключёнными, организуем проекты по декламации, дикции на итальянском языке, а также проекты, связанные с поэзией, танцем, керамикой, театром. И нам нравится, когда эти различные реальности пересекаются, влияют друг на друга и интегрируются друг в друга. Каждое мероприятие для нас имеет также социально-культурное и даже социально-политическое значение. Занимаясь лишь чем-то одним, рискуешь впасть в излишнюю академичность, уйти от живой реальности конкретных людей и вещей. Поэтому мы решили заняться также и хайку – потому что для нас это замечательный инструмент «позитивного взаимовлияния» и «интеграции».

3. В Италии уже стало общепринятой реальностью так называемое «маленькое киго» (“пикколо киго”), которое отсылает нас не к сезону, а ко времени суток. Насколько я понимаю, этот концепт был создан вашей ассоциацией. Не мог бы ты рассказать нам поподробнее, как возник этот термин и стоящий за ним концепт, когда вы его создали и почему он вообще возник?

ПТ: Мы уже 15 лет каждый год организуем конкурс хайку, в жюри которого входят: Алессандра Галло, Аннетт Сеймер, Антонелла Филиппи, Арианна Сачердоти, Доменико Бенедетто, Фабия Бинчи, Фабрицио Вирджили, Фанни Казали Санна, Оскар Люпария, Терри Оливи, в прошлом также Джорджо Гадзоло. Вместе мы прочитали за это время тысячи хайку.

Именно эти хайку и их внимательное прочтение, а также постоянное общение между членами жюри побудило нас ввести концепт «маленького киго», а также, хочу напомнить, «киго мизуралис» и «киго темпорис», которые детально описаны в нашем «Манифесте поэзии хайку на итальянском языке».

Поскольку в течение многих лет мы читали всё больше хайку, оформилась идея и некая амбиция – исследовать возможность особого, итальянского подхода к поэтике хайку. Хочу отметить, что мы не учёные-японисты, но из этой культуры, подарившей миру так много прекрасных вещей (хайку, икебана, оригами, бонсай, керамика раку и т.п.), в рамках упомянутого принципа «положительных влияний» мы постарались усвоить наставления классических авторов хайку, в то же время пытаясь найти наш собственный «итальянский путь к поэтике хайку».

Я могу точно сказать, когда родились концепты «маленького киго», «киго темпорис» и «киго мизуралис». «Маленькое киго» (термин, созданный лично мной) был включён в наш Манифест в 2005 году, когда на конкурс пришло вот это хайку Габриэле Саккавино:

Notte infame:
nel frigo solo l'eco
d'un uovo sodo.

Бесславная ночь:
в холодильнике лишь эхо
яйца вкрутую

Согласно классическим критериям, это не хайку, потому что не указан сезон. Но по нашему мнению это чудесное хайку. Оно содержит «здесь» (холодильник – конкретное место) и «сейчас» (маленькое киго, ука-

зание некого периода суток, в данном случае – ночь).

Киго значит «сезонное слово». В классических хайку киго обязательно. Мы видели также, что киго напоминает поэту о том, что его произведение должно относиться к некой конкретной реальности – здесь и сейчас. Киго – циклично. Сезоны постоянно меняются, следуют друг за другом по кругу. Это включает в себя идеи саби, ваби, аварэ, югена. Сезоны содержат некую лирическую идею. Кашина Макондо называет «маленьким киго» что-то, что относится ко дню, к суткам. Мы видим некое подобие между сменой сезонов и сменой дней. Ведь дни точно также начинаются, заканчиваются и начинаются снова, до бесконечности, по кругу. Но их протяжение более эфемерно (рассвет, утро, полдень, после обеда, закат, вечер, ночь, рассвет...). В соответствии с идеей о том, что «хайку в сущности содержит то, что происходит здесь и сейчас», нам показалось, что то, что по-настоящему важно, это именно принцип «здесь и сейчас».

Мы считаем «маленькое киго» допустимым концептом, который не входит в противоречие с учением Басё. Таким образом, для нас хайку является таковым, даже если не содержит киго. Но оно должно содержать «маленькое киго» (указание на какую-то часть, время дня) и одновременно с этим – указание на конкретное место.

В 2006 году в Манифест были введены также «киго темпорис» и «киго мизуралис» (предложенные мной лично термины), когда Джим Кэйшн, американский поэт, выслал на наш конкурс вот это произведение, вызвавшее среди членов жюри оживлённую дискуссию:

a prisoner's letter
the wide spaces
between words

письмо заключённого
широкие пробелы
между словами

Жюри выбрало его по определённой причине. В этом хайку нет ни киго, ни маленького киго. Таким образом, это как бы и не хайку, а сэнрю, согласно нашим определениям. Однако красота, простота и глубина этого произведения сильно впечатлили нас, и саби, которым оно проникнуто, заставило нас видеть в нём прекрасное хайку, даже в отсутствие указания на сезон.

Откуда происходит это ощущение красоты, которое почувствовали все члены жюри? Мне кажется, это можно связать с высказыванием самого Мацуо Басё: «Не ищите следы древних, ищите то, что искали они». А также с «пространством» и «настоящим временем». Но, может быть, пространство и время подразумеваются, как нечто более сложное. Может быть, мы имеем перед собой хайку, если в нём есть ощущение пространства (дистанция, далеко, близко, путь, дорога, подъём, спуск...). И может быть перед нами хайку, если в нём есть ощущение «времени» (которое идёт, останавливается, укорачивается, удлиняется, которое является частью дня, сезоном, геологической эрой, годом, месяцем, днём, минутой, мгновением...).

Между словами в письме заключённого – пространство. Корявый, неуверенный, «детский» почерк. И когда он перечитывает своё письмо, даже если пробелы (пространства) неподвижны на бумаге, кажется, что они движутся, пока взгляд бежит по строкам. Эти инверсии восприятия делают данное хайку красивым и глубоким.

Мне вспоминается ещё одно хайку, высланное на конкурс в 2004 году неаполетанским поэтом Паскуале Корсаро:

due panchine
nel viale alberato
separazione

две лавочки
в аллее
расставание

Здесь также присутствует глубокое молчание (саби), тайна (юген) и аварэ (ностальгия). Но нет указания на сезон. И маленького киго тоже нет. Но есть некая идея «пространства». Две лавочки разделены дистанцией, пусть даже небольшой, может они совсем рядом стоят, а может друг напротив друга по сторонам аллеи. Он и она сидят в молчании на этих лавочках. Расставание. Нам кажется, что перед нами хайку, а не сенрю. Как и в произведении Джима Кейшна.

Рассмотрим ещё одно хайку, высланное на конкурс 2006 года от учеников пятого класса начальной школы городка Вальи ди Сотто недалеко от Лукки:

Giù sotto l'acqua
il mio paese ristagna
nel suo silenzio.

Внизу под водой
моя деревня застоялась
в своей тишине

Здесь нет ни киго, ни маленького киго. Значит это сэнрю? Нет, это прекрасное хайку. В нём есть идея «пространства», «глубины», под водой, внизу, неподвижная деревня, заполненная водой, застоявшаяся в этом месте, в этой тишине, в этой ностальгии, в этой привязанности.

Или вот это прекрасное хайку с конкурса 2006 года, написанное Эммой Бонагури, ученицей третьего класса начальной школы «Де Амичис» города Форли:

Righe di anni
scultura naturale,
albero nonno

морщины лет
скульптура природы
дерево-дедушка

Ни киго, ни маленького киго здесь нет, и мы должны бы классифицировать его как сэнрю. Но есть намёк на время, которое прошло (круги на срезе дерева). Здесь есть саби (тишина), юген (тайна) и хосоми (деликатность, симпатия). Прекрасное хайку.

Да, мы должны задуматься над словами Басё, понять их и сделать нашими: «Не ищите следы древних, ищите то, что искали они».

Граница между хайку и сэнрю нестабильна. Мы решили считать хайку также и те произведения, которые содержат концепты «пространства», «дистанции», «близости», «пути», «дороги», а также концепт «времени» во всех возможных коннотациях. Так появились два особенных киго, которые мы назвали «киго мизуралис» и «киго темпорис».

Как ясно из вышесказанного, наш Манифест – это некий документ, который находится «в процессе становления». Это значит, что с течением лет, по мере того как мы узнаём новое и углубляем понимание старого, по мере того, что нам подсказывают опыт и сравнения, в Манифесте появляются новые мысли и «правила».

Нам кажется естественным и честным создавать такой важный документ по принципу «в процессе становления», потому что мы осознаём, что высшей истины у нас в кармане нет. Мы также понимаем, что всё, касающееся «итальянского пути к поэтике хайку» находится в процессе эволюции, и что будет дальше — никто не может предугадать, всё слишком ново и спонтанно.

Должен также добавить, что многие хайдзины нас серьёзно критиковали, поскольку концепт «манифеста» находится, по сути, в противоречии с концептом «в процессе становления». Они считают, что манифест – это законченный, неизменный документ. А я лично считаю, что даже наша Конституция не должна быть

рассматриваема как окончательно сложившийся и неизменный документ. В общем – сколько голов, столько мнений.

4. Кашина Макондо организует и очень особенные мастер-классы хайку, в тюрьмах. Можешь рассказать нам подробнее об этом и представить несколько хайку, написанных заключёнными?

ПТ: Эти мастер-классы были частью европейского проекта «PAROL – Писательство и Искусство в тюрьмах, вне границ, вне стен». В нём участвуют 6 европейских стран (Бельгия, Голландия, Италия, Польша, Сербия и Греция), 13 тюрем и более 200 заключённых обоего пола. Проект длился два года, с 2013 по 2015. Кашина Макондо получила в рамках этого проекта очень важный опыт, касающийся уже упомянутых концептов интеграции и позитивного влияния. Поэзия хайку оказалась эффективным инструментом, с помощью которого заключённые глубоко вовлеклись в процесс сочинительства. С удовольствием представляю некоторые из их работ:

raggio di sole
che penetri leggero
da una crepa…

луч солнца
так легко проникает
сквозь трещину...

Сальваторе Л.
Тюрьма Салюццо (Италия)

sera d'estate
al collo della bottiglia
il primo bacio

летний вечер
первый поцелуй
в горлышко бутылки

Паоло
Тюрьма Салюццо (Италия)

guardo il tramonto
mentre il sole pian piano
si nasconde in me

смотрю на закат
солнце потихоньку
прячется во мне

Вальтер
Тюрьма Торино (Италия)

ora sono qui
non posso fare niente
solo guardare

и вот я здесь
ничего не могу делать
только смотреть

Ачраф
Тюрьма Дендермонде (Бельгия)

porta blindata
dietro tutti i rimpianti
di molti anni

все сожаления
стольких лет
за бронированной дверью

Седат
Тюрьма Тилбурга (Голландия)

piove in terrazza
e il mio caffu
non u mai vuoto

дождь на балконе
и моя чашка кофе
никогда не пуста

Вьей Эспри
Тюрьма Тилбурга (Голландия)

la cella chiusa —
cade il cielo nell'acqua
del mio bicchiere

закрытая камера –
небо падает в воду
моего стакана

Делола
Тюрьма Тилбурга (Голландия)

cade nel vuoto
l'addio di una foglia —
mare lontano

падает в пустоту
прощальный привет листа –
далёкое море

Седат, Матадор, Ява, Делола, Эдди, Джипси, Чам, Вьей Эспри
Тюрьма Тилбурга (Голландия)

5. Можешь представить русским читателям несколько собственных хайку, передающих особенности твоего стиля?

ПТ: Не знаю, можно ли тут говорить о каком-то личном стиле, но вот несколько из тех, что мне нравятся:

tela d'autunno
l'odore dei cavalli
a punto erba

осенний холст
над верхушками трав
запах лошадей

becca una briciola
la rondine sul tavolo
tovaglia in fiore

клюёт крошку
ласточка на столе
скатерть в цветочек

mio malgrado
ho pisciato qualche volta
nel lavandino

себе вопреки
пару раз довелось мне пописать
в умывальник

bianco strascico
l'abito e la sposa
si allontanano

белое шуршание
платье и невеста
удаляются

Сэнрю "Кукканья"

Представляем вашему вниманию подборку сэнрю, написанных в итальянской группе сэнрю "Кукканья" (ит. cuccagna, *итальянский вариант Страны Чудес или Эльдорадо — земля счастья и изобилия). Группа была основана на фэйсбуке в 2016 году и с тех пор потихоньку набирает обороты.*

Перевод Валерии Симоновой-Чекон

sera nel dojo –
i pensieri lasciati
con i sandali

вечер в додзё —
оставлены мысли
с сандалиями
(Элиза Бернардинис)

i fumatori
tutti quanti in fondo
al corteo funebre

в самом конце
похоронной процессии
курящие
(Элиза Бернардинис)

In pescheria
Sputa sul suo prezzo
una vongola

рыбный магазин —
плюёт на свой ценник
мидия
(Франческо Палладино)

Stage su stage
S'allunga il curriculum
senza lavoro

курсы да стажировки
всё длиннее резюме
безработного
(Лючия Кардилло)

В Италии различные бесплатные стажировки очень популярны и часто финансируются Евросоюзом. При этом найти нормальную, постоянную работу всё труднее.

Seppia eccitata
Cinquanta sfumature
di nero

взволнованная каракатица —
пятьдесят оттенков
чёрного
(Лючия Кардилло)

Новости о снегопадах в Италии, особенно на юге, довольно редки и каждый раз вызывают волну соответствующих фотографий в соцсетях.

per qualche giorno
rimpiazzati i gattini —
neve su facebook

на несколько дней
вместо котиков в фейсбуке
идёт снег
(Мария Лаура Валенте)

Tempo di crisi
Collocamento e lotto
la stessa fila

кризис —
на биржу труда и за лотерейными билетами
одинаковая очередь
(Лючия Кардилло)

I girasoli –
qualcosa sta girando
anche nel mio petto

подсолнухи —
и в груди что-то
поворачивается
(Элиза Бернардинис)

vendo il divano —
tutte le sere ruba
voglia di fare

продаю диван
за то, что лишает желания
что-либо делать
(Мария Тереза Систи)

Vincita al Lotto-
quanti parenti che
non conoscevo!

выигрыш в лотерею —
сколько появилось
незнакомых родственников!
(Антоньетта Лозито)

a scuola i bimbi —
i nonni a collaudare
le altalene

пока дети в школе
дедули с бабулями тестируют
качели
(Стефания Андреони)

Corteo funebre —
parenti e amici seguono
in streaming

следуют друзья и родные
за похоронной процессией
в стриминге*
(Антоньетта Лозито)

**Стриминг — потоковое вещание видео в режиме реального времени.*

dopo anni all'estero
penso ancora
nel mio dialetto

годы за границей...
а думаю до сих пор
на родном диалекте
(Эцио Инфантино)

Vento gelido
Nell' occhio d'un branzino
un lacrimone

ледяной ветер —
одна большая слеза
в глазу окуня
(Джузи Кантоне)

trentun dicembre-
il segno del bikini
ancora bianco

31 декабря —
до сих пор белый
след от бикини
(Анджола Инглезе)

Con i biscotti,
per Babbo Natale un biglietto:
"senza olio di palma"

В некоторых регионах Италии принято в рождественскую ночь оставлять для Санта Клауса печенье на столе.

рядом с печеньками
для Санта Клауса записка:
"без пальмового масла!"
(Антоньетта Лозито)

pronto soccorso-
il medico intuba
la speranza

скорая помощь —
врач интубирует
надежду
(Винченцо Адамо)

Итоги конкурса сэнрю и танка "Накося выкуси!"

Конкурс сэнрю и танка о некоторых аспектах межличностных отношений в ракурсе уплотнённой жилплощади, антагонизма поколений, излишнего количества генетически близких, но чрезмерно коммуникабельных особей и прочих тонкостях вербального и не очень обмена мнениями.

Анонимный конкурс традиционно проходил на сайте www.konkurs.хайдзин.рф/haiku в феврале 2017 года. На конкурс поступило 110 трех- и пятистиший.

Редакции показалось, что задание конкурса отпугнуло многих потенциальных участников, а большинство из приславших свои стихи ориентировалось на фото, опубликованное в качестве заставки, а не на задание. Танка, прошедших сито первичного отбора, оказалось всего две, поэтому победителя в этой категории решено было не определять.

Редакция "Улитки" поздравляет победителей, сумевших разобраться с этим "твердым орешком"!

1 место

2 место

3 место

4 место

финал по футболу
пронзительно свистят
чайники на плите
(Владимир)

5 место

осенний вечер
уже не одинока
соседка за стеной
(Александр Шитковский)

6 место

уехали дети
перестал озираться
старый кот...
(Виктория Углянцева)

7 место

холодные батареи
переругиваемся
струйками пара
(Сергей Шпиченко)

8 место

ссора...
перевожу на марсианский,
что имела ввиду
(Ольга Сторожева)

9 место

тёщин язык
весь день думаю
над переводом
(Елена Колобкова)

10 место

коммунальный кот –
чей-то тапок
за чью-то котлету
(Яна Полтарак)

11-12 место

длинный коридор
младшего ставят на ворота
футболисты
(Сергей Шпиченко)

11-12 место

три звонка
снова к соседу
поздняя гостья
(Оксана Суханова)

13 место

манная каша
старшие дразнят младшего
Мурзилкой
(Сергей Шпиченко)

14 место

дочки-матери –
кто первым встал
того и джинсы
(Яна Полтарак)

15-16 место

карибский кризис
никак не уходит
последний гость
(Елена Колобкова)

15-16 место

ее разгрузочный день
зря сказал
о полной луне
(Виктор Ветлин)

17 место

я дома!
включаю свет
во всех комнатах
(Ольга Сторожева)

18 место

рецепт "сырников его детства"
от свекрови —
в клочья!
(Яна Полтарак)

19 место

первый акт драмы
уходишь
не попрощавшись
(Виктор Ветлин)

весна, весна!
торчат из форточек
хвосты и уши...
вот кабы ночью мне забраться
по лестнице в твоё окно
(Людмила Скребнева)

как вреден кофе
даже в крохотной чашке
и чёрен он, и горек...
но утром тянется рука
тебе подать его в постель
(Людмила Скребнева)

Полина Печерская

зимнее утро
только у машин
горящие глаза

отновогодили
возвращаюсь к привычному
фэйсу буки

валентинка…
увы, закрыта
валентность

весенний балкон
пялимся друг на друга
с голой лиственницей

лунные дорожки…
только дальнозоркости
мне и не хватало!

Елена Шастина

выспалась, наконец!
бодро погладила чайник,
включила кошку…

мутное утро
на дне щербатого стакана
слоняется сикарашка*

не с той ноги…
кошка пробует на вкус
всё разлитое на кухне

какое там одиночество!
желаю здоровья соседу
чихающему за стеной

Виктор Ветлин

не вытанцовывается
на ветру
сушатся брюки

1-я строка хороша как есть именно потому, что там не только танец, но и всё что угодно: не вытанцовывается яичница, или рукопись, или выпиливание лобзиком. А при этом еще и брюки издевательски полощутся на ветру, "танцуют" свои насмешливые па. Просто немного брутальная самоирония.

очнулась смотрительница
летающие влюбленные Шагала
на своем месте

совсем голову потеряла
так и стоит
снежная баба

**Сикарашка — регионально-разговорное слово, обозначает мелкое существо, маленькое насекомое, букашку или паука.*

Яна Полтарак

узкая тропка…
разминулись с незнакомцем
вальсовым па

очередная затея
нет, не мешает
зуб мудрости

Привал!
Ползём с муравьём
в одну сторону.

рогатины клёнов
остались от лета
фотки да загар

семейный ужин
творю приворот
щепоткой специй

Сергей Баталов

Не спешит обнимать,
ворчит шутливо:
«Какой холодный!»

Сергей Шпиченко

вешалка у двери
обнимаются рукавами
две ветровки

Нелли Сливинская

потеплело
обсуждают старушки
дреды соседа

Оксана Суханова

середина февраля
распеваются на заборе
первые коты

Радион Хузин

брызги из-под колёс
уворачивается прохожий
двойным акселем

Андрей Сулима

без остановки
работает дворник.
создаёт видимость

Андрей Насонов

бодрое утро
при каждом шаге
взлетают шнурки

попал в переплёт
между пятой и шестой
комар

Ниёля Керушаускене

размечталась….
капли с крыши
прямо за воротник

Алексей Пральников

наконец-то лето
по тёмной стороне
в тёмных очках

Александр Галкин

Надрывается
На генеральской даче
Хор кузнечиков.

Игорь Шуган

послеобеденная истома
чуть семеню — чисто придурок
по аллеям парка

холодильник пуст
ещё раз заглянул —
всё равно пуст

ЮЮ

рассвет
разлепляю глаза
под троекратное мяу

день свадьбы
самый счастливый
отец невесты

Елена Колобкова

горько!
одинаковые лица
у тёщи и свекрови

Евгений Иваницкий

И мы хоть куда,
и у осетрины в буфете
второе дыхание.

Виктория Углянцева

новый кофейник
чуть-чуть помолодело
отражение…

Варвара Юшманова

А эта челка, которую
Все некогда постричь,
Уже нравится мне

Александр Шитковский

прямо в глаза
на пирожок
смотрит собака

первый снег
на пару со мной
белеет ворона

белым бело
вне конкуренции
морковка снеговика

Алексей Ким

метель
в нашей переписке
шаром покати

свободное посещение
в песочнице
просроченные куличи

Виктор Ветлин

крыша в снегу
и только слуховое окно
подслушивает

капель
вприпрыжку
луна

затопленный луг
на остров шагнула
высоковольтная опора

янтарное небо
вечная жизнь
мотылька

Сергей Шпиченко

наряд вне очереди
стирает с неба звёзды
косматое облако

Игорь Шуган

долгие паузы
как чёрные дыры —
японская флейта

Иса

зимние сумерки
каждый раз уходит
часть тебя

Анна Мартьянова

ежиком дождик
топочет, топочет
всю ночь

Елена Шастина

вечер пятницы
кот насиживает
домашнюю тишину

сосны у моря
до первых ветров
баобабье тепло

Ирина Касатонова

дорога домой
считывает сердце
берёзовый штрих-код

Евгений Иваницкий

Даже моя @
Почты, летящей на юг,
Виляет хвостом

Стали прибоем
перебои сердца.
Рассохлась лодка

Полина Печерская

штрих-пунктир
из снега в небо
березки

зимний дзен
неунывающий голосок
невидимой птички

снег набекрень…
или в черную землю
или в белое небо

Нелли Сливинская

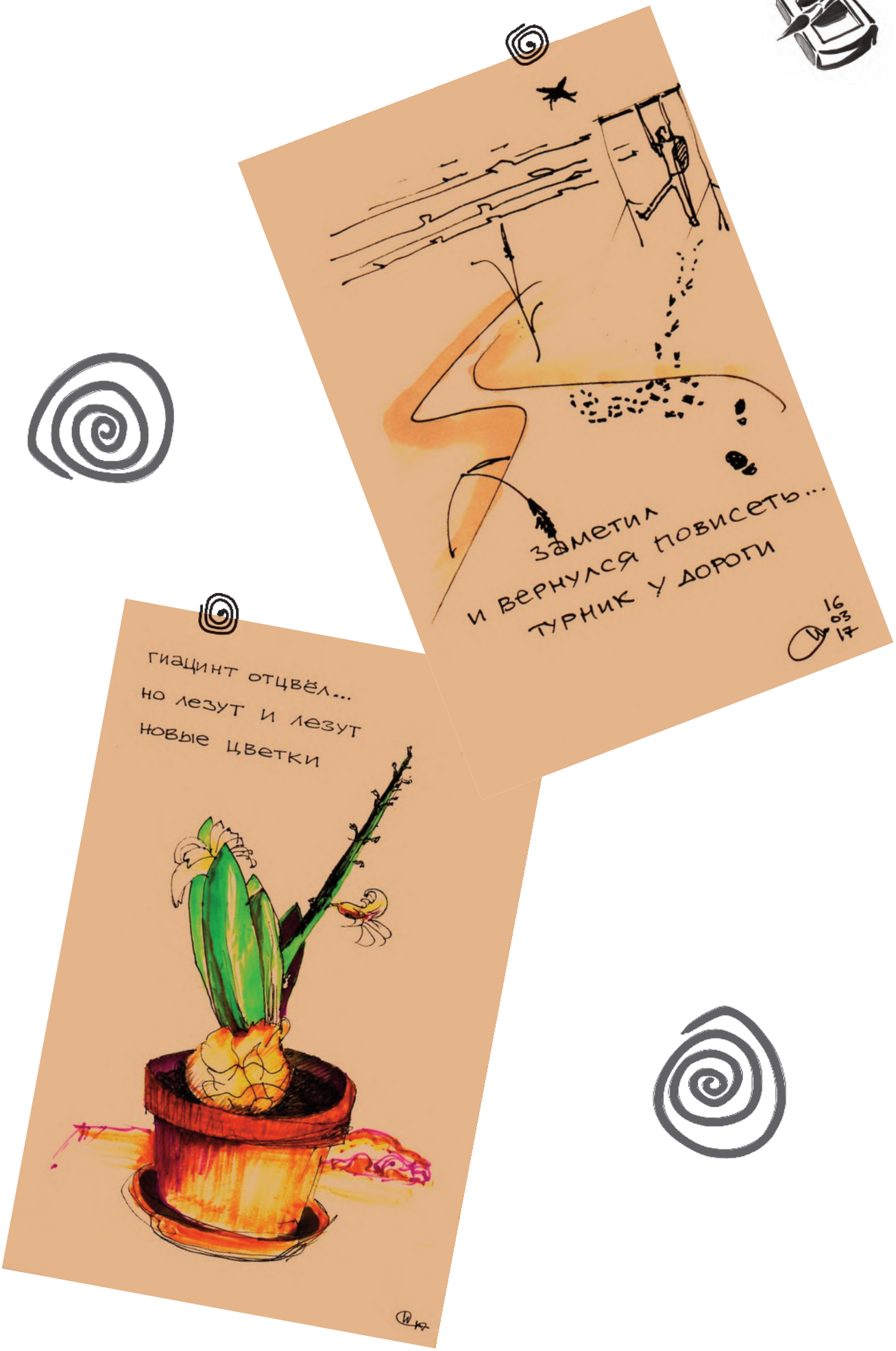
пригрелся
и тает
пожилой снеговик

Петр Савченко

час пик
доставщик пиццы
едет на метро

рисуя на эскалаторе
прозевал
точку схода

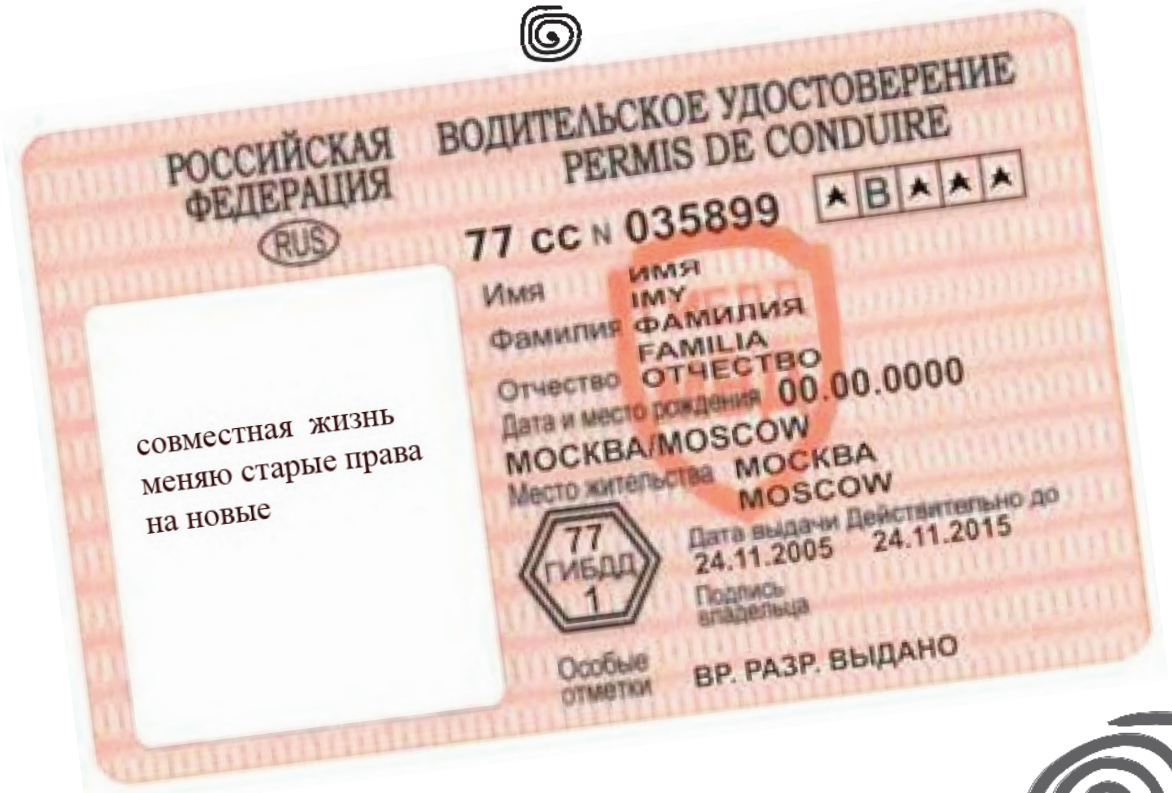
Фотоку \ Хайга \ haiga



Солнце всё выше
ждёт автобуса
семья улиток

скоро апрель...
гляжу неотрывно
на рощу под снегом

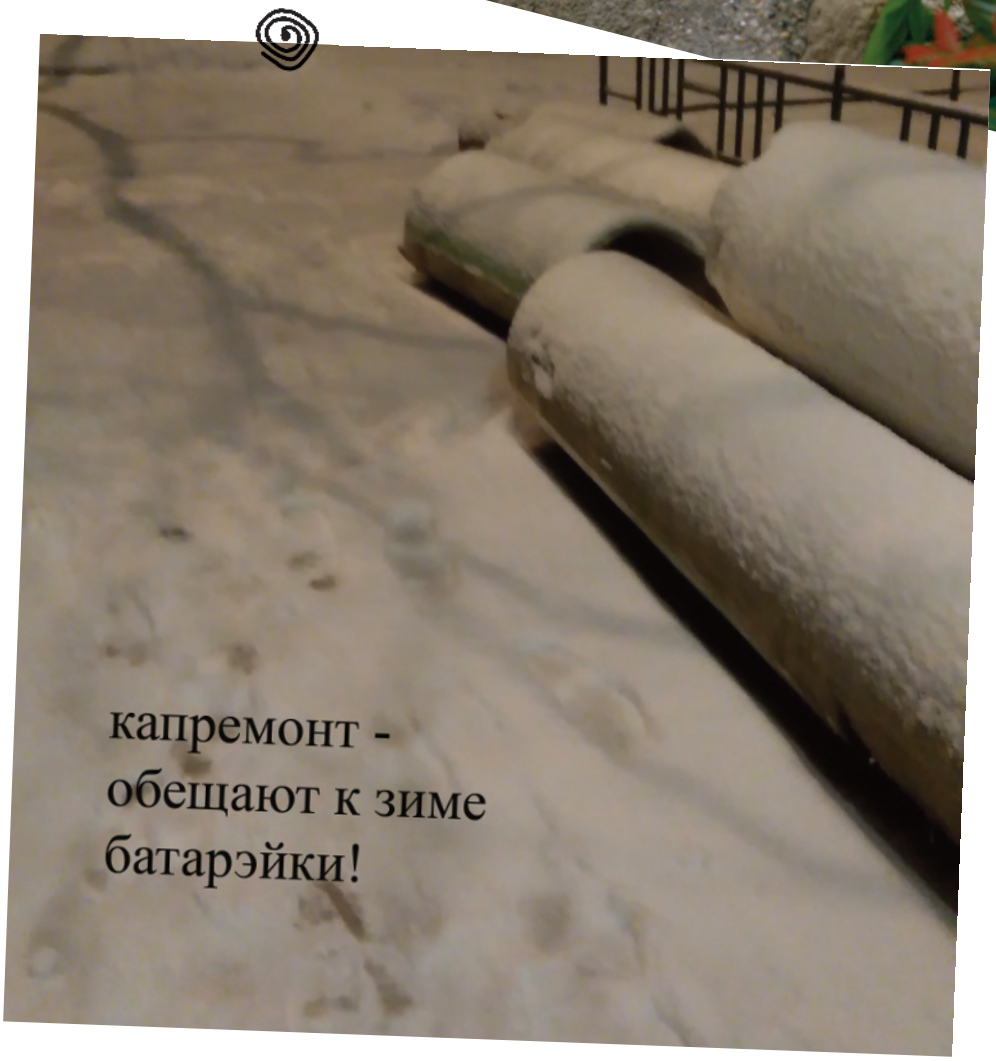
Полина Печерская



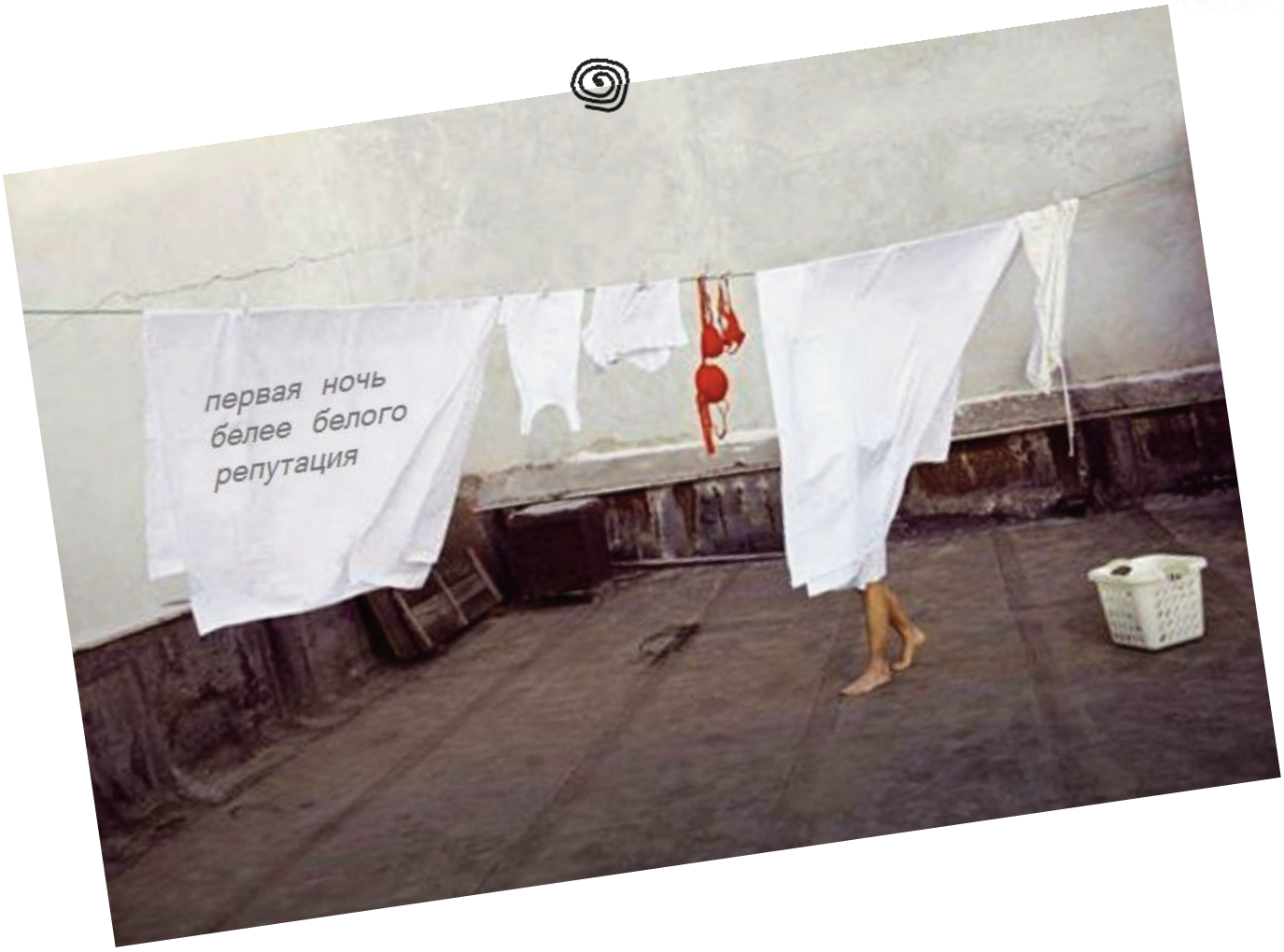
совместная жизнь
меняю старые права
на новые

хороший год
в извещении о ДТП
сплошные хайку

белый скотч...
и на чем только держатся
мои хайку?


капремонт -
обещают к зиме
батарэйки!

Яна Полтарак



Игорь Шуган

СМЫСЛ

Построение моделей физических явлений – это моя профессия. Установление логических связей, нахождение смысла и взаимозависимостей лежит в основе успеха работы. Я занимаюсь этим всю сознательную жизнь, мне за это деньги платят. Наверное, поэтому у меня с годами развилась стойкая аллергия к нахождению «смысла» или его отсутствия во всех без разбору событиях и действиях в нашей «повседневной», или, наоборот, «вечной» жизни.

- Приезжай! Я машину купил! Ласточка, красавица, сидения ещё в целлофане, салон пахнет только что купленной свежей машиной! Прокатимся, она быстрая, отметим!

- Спасибо, конечно, только у меня в выходные — выездные лекции, платят по 400 долларов за штуку. Сам понимаешь...

(Понимаю, конечно, ну тогда отложим до покупки следующей...)

- Я не отвезу тебя в аэропорт, ехать два часа, пробки опять же, у меня урок, смысла нет.

- Ну конечно, о чём разговор, я на такси мигом долечу.

Много чего в нашей жизни туго соотносится со смыслом.

(Обойду за сто км стихосложение.)

В музыке – какой смысл?

- Она создаёт настроение, хочется смеяться и плакать, грустить и восторгаться, танцевать, поверить в бога и наоборот... тр...тр...тр...тпрррр... Стоп!

«Попытка осмыслить немыслимое не нормальна для мыслящего» — Аштавакра-Гита.

Привёз из России своей гуру по тайчи и членам группы по маленькой матрёшке. Боже ж ты мой, как радовались эти пожилые люди такой ерунде! Они, не уставая, раскладывали и опять собирали матрёшки, и друг перед другом бахвалились неповторимым раскрасом именно их матрёшки. Лицо моей восьмидесятилетней гуру на мгновение буквально осветилось, и я распознал глаза юной девчонки!

- Ты улетаешь завтра рано утром, поэтому приеду в отель сегодня к полуночи попрощаться, когда ещё свидимся...

Так мои петербургские друзья в памяти и останутся, нашедшие свой собственный «смысл».

пробежка на стадионе
- takeiteasy!
улыбнулся случайный попутчик

Хайбун \ haibun

ВРЕМЯ

Я редко возвращаюсь из далёкой заграницы домой, чтобы почувствовать себя ребёнком. Конечно, всё сильно изменилось, друзья забурели, заматерели, соседи и родные постарели. «Кого уж нет, а кто далече...» Это с одной стороны, а с другой стороны чувствуешь, что ничего не изменилось. Ты сам внутри совершенно не изменился за многие годы, то есть совсем, и это безо всяких натяжек. И для близких ты всё тот же, вне возрастных категорий. Взросление, возмужание, зрелость, «пожитость» и так далее — всё фигня, фиглярство и трюки фокусника. Это нужно описывать в резюме для приёма на работу или в больничной справке.

Моя семья перебралась в Москву, когда мне было двенадцать лет. И я отчётливо помню, как в первый раз поехал, ближе к вечеру, прогуляться по Гоголевскому бульвару — чем-то этот бульвар меня притягивал. Этакая театрализованная атмосфера с наступающими сумерками, зажигающимися фонарями, прохожими, которые уже никуда не спешат, а прогуливаются или сидят на лавочках. А ты сам, и это такой кайф — соглядатаем, зрителем, просто наблюдателем без всяких целей, оценивания и «поисков», впитывающим ауру старой Москвы.

Ну и что изменилось за много лет — я опять приехал на Гоголевский. Конечно, всё по-другому, новый антураж, и люди уже не те, крутая центровая молодёжь, теперь редко встретишь коренных московских старушек. Это с одной стороны, а с другой — ничего не изменилось, мои ощущения — те же, и я тот же, то есть совсем.

смеркается
после долгой паузы
зажглись фонари

РЫНОК

Я люблю Тайваньский местный рынок. Мужики кряжистые, копчёные, морскими ветрами обожжёные. Всё ясно, нам не о чем базарить, они меня «узнают». Беру вяленую макрель за 100 тугриков и айда!

Торговля овощами-фруктами происходит довольно своеобразно. Навалены лотки с товаром, набираешь кулёк, ну, например, слив, и здесь начинаются проблемы. Некому платить! Ну это же надо умудриться так поставить дело — вокруг дикий галдёж, все куда-то тычутся, а платить некому! Кручусь, кручусь, как волчок, наконец кто-то трогает за плечо:

— Там, в углу рынка оплата...

— Да не туда прёшь, дурошлёп! В другом углу!

И народ заливается хохотом.... Иду, и наконец-то вижу цель — дык, до цели ещё надо добраться, чтобы оплатить товар. Продавщица бухает мои сливы рядом с весами, и не глядя на них, называет от фонаря какую-то смешную цифру, типа 30 рублей!

Беззубая подруга дней моих суровых призывает меня метров за ...тцать. Орёт на весь рынок, непонятно что, но выбора нет, надо иттить...Совершенно не важно, что она продаёт, всё дело в улыбке. Беру, ну, типа, устриц, или улиток, тоже рублей за сто (смешные же деньги!).

А дальше — к даме в панаме. Довольно симпатичная, и что-то во мне её притягивает, она мне насыпает не одну рыбу, а две, три...пять... Я трогаю за плечо даму лет шестидесяти, стоящую рядом впереди меня:

— Вы извините.

— Извиняю, извиняю (ну, понравился, ну что теперь).

Иду домой навьюченный, ну что — день удался. С каждым купленным товаром у меня в памяти увязаны улыбки и смех, озорные и лукавые взгляды продавцов и соглядатаев этого купле-продажного театрального представления.

«профессор» на рынке
коленки в трениках
выпукливают

Алексей Ким

***

Питер... Хмурый город, как дед...Суровый, правильный дед . В классическом костюме, с такой снисходительной улыбкой. Знающий свой статус, свое положение. Он все время смотрит свысока, покачивает головой, и все же такой интригующе привлекательный. Мерзавец-красавец.

чья-то тень
по памяти дописываю
твой портрет

***

Сегодня днем произошел случай. Я выронил 20 тысяч тенге на ходу. Незаметно. И шел себе дальше в самом благостном настроении. Одно нарушало гармонию: сзади раздавался резкий, настойчивый детский крик. Окрик. Меня догнал мальчик 13-14 лет и вернул купюру. От переизбытка непонятных чувств я два раза пожал ему руку и вручил благодарность — купюру в тысячу тенге. И снова пожал руку. Ничего другого от неожиданности не пришло на ум. Он долго растерянно не мог понять, как к этому отнестись, но я настоял. Замечательное утро, незабываемый день. Еще раз спасибо, незнакомец, тебе и твоим родителям.

наступает ночь
прячется в ладони
промокший сверчок

Элина Витомская

***

...Уходя, она оставила в углу монитора маленькую божью коровку. А в прошлый раз он обнаружил на холодильнике какой-то замысловатый иероглиф из своих коллекционных магнитиков. Уж не телячьи ли нежности он означает? На всякий случай сместил магниты в исходное положение. «Хорошо хоть не пачкает губной помадой зеркало в ванной, не изображает пошлые сердечки. У таких обычно не жизнь, а роуд-муви, как у тыкверовской Лолы, в башке манга пополам с Полозковой, невыявленная тахикардия и перчатки без пальцев» — подумал он, зевая, и щелкнул по попе пластмассового жука, прилепленного к экрану. Но отдирать не стал.

утренний кофе
и неотвязная мысль:
беги, гумберт, беги!

***

Закончив работу пораньше, забежала в ближайший салон красоты сделать коррекцию бровей. Всегда радушная, умелица Эльмира в этот раз смущенно предложила мне расположиться в подсобке. Долго извинялась, что ее кабинет пока занят. Пока длилась процедура, мастер рассказала, что там на кушетке — постоянная клиентка, врач-кардиолог. И что у нее на операционном столе сегодня умерла молодая девочка. Ничего нельзя было сделать. Девочка знала о большом риске и прогнозах, но верила, что все получится. Пела замечательно, все хотела после выписки на каком-нибудь шоу попытать счастья. Некоторые из операционной бригады снимают стресс алкоголем, а эта врач не может, у нее организм не принимает. “Наверное, выпила успокоительное что-то, так с маской на лице и заснула, не буду будить пока. Пусть поспит еще полчаса. Вот же работа у людей! Знаете, она говорит, что к этому невозможно привыкнуть…” Эльмира замолкает и смотрит на часы.

миг до пробуждения
она еще танцует,
девочка на шаре

***

Однажды вечером на прогулке мой пёс, будучи спущенным с поводка, слопал что-то нехорошее. А накануне мы обработали его от клещей. Обработали – это ёмко сказано. То есть, нужно в сезон каждый месяц наносить специальный препарат на кожу. То есть, это такие отвлекающие танцы с бубнами членов семьи перед вертлявым капризником, пока я в резиновых перчатках не нанесу ему на холку и спину, раздвигая шерсть, маслянистые капли. Впитываться в кожу им полагается три дня, и в это время собаку нельзя купать. Вообще шерсть мочить нельзя и лучше не гладить и не чесать. А когда эта штука впитается – укус иксодового клеща уже не будет представлять смертельную опасность, тем более, если еще и прививку заранее сделать. С теперешним клещом лучше несколько степеней защиты, увы.

Так вот: съел зверюган что-то не то и к утру расстроился у него желудок. Скулит, пританцовывает и торопит на прогулку. А за окном ливень. Беру зонтик, стартуем по большому кругу, нам надолго. Такое впечатление, что у небесной сантехники все краны посрывало, льет нешуточно. И я вынуждена нести зонтик над пыхтящим бортом № тра-та-та, постоянно просящим посадки. А до аэропорта нам еще ого-го: мимо кадастровой палаты, конторы автострахования и парковки. А значит, мимо скучающих водителей, впитывающих FM-диапазоны в салонах своих машин, пока снаружи так нещадно природа ваяет что-то хокусайское. И тут такие мы: шерочка под зонтиком и мокрая машерочка с совочком и пакетиком для.

В то утро мы совершили три таких дефиле мимо уже не скучающих водителей, прежде чем живот у животинушки угомонился. Один дядька даже дворники включил при нашем приближении, чтобы убедиться, что глаза его не обманывают, потом высунулся из машины, хотел не то спросить, не то сказать, не то пальцем у виска покрутить. Посигналил…Очень хочется написать, что я показала ему язык, но врать не буду, не стала.

сачок для бабочек…
свои резоны в октябре
у городского сумасшедшего

Элина Витомская
Мои университеты – Академия нефти и газа им.Губкина, Литературный институт им.Горького (семинар Г.Н.Красникова). Живу в Подмосковье, в замечательном городе Истре (это и Ново-Иерусалимский монастырь, и места Чехова, Левитана). Любимые японские поэты – Исса, Такубоку.

Лада Турбина

* * *

Январский снегопад совершенно не то что декабрьский, февральский, и уж тем более мартовский. Декабрьский исполнен предвкушения. Впереди новогодняя суета, праздники, ёлка, мандарины. В февральском сквозит доля сожаления, да-да, зима кончается, да-да, ты не поехала отдохнуть в Баден-Баден. Мартовский снегопад раздражает. Какой снег может быть, когда такое небо, когда птичьи голоса рвут сердце в клочья? А вот январский снегопад...

Останкинские пруды покрыты патиной умирающих снежинок. Розовый павильон "Пончики" выглядит в городском пейзаже вызовом, сродни разрисованному лицу Бурлюка. Стаканчик кофе в руке и бумажный пакет, испачканный сахарной пудрой. Я практически вижу, как на подножку трамвая впрыгивает альтист Данилов. Может поэтому, а может именно потому, что сегодня вторник и снегопад, оттепель в голове звучит настойчивым ладом кумои*, меняя обыденность и погружая меня вместе с нею в колодец ожидания…

снегопад
как всегда беспристрастен
календарь

* * *

На Воробьевых горах безлюдно. Небо низкое, ноздреватое, полное невысказанной влаги.
На дне оврага в оттаявшей полынье купается стайка ворон. Птицы топорщат крылья, похлопывают себя по бокам, ерошат перья на голове, невнятно каркают, вылезая на берег. Нечто похожее я наблюдала в крещение, когда череда людей толпится у иордани. Некоторые вороны заходят на омовение по второму кругу.

Москва-река полна круглых льдин, похожих на листья не то кувшинки, не то лотоса. Хочется подпрыгнуть и перескочить на другой берег с льдинки на льдинку. Вода практически недвижима и темна.

оттепель
неизбежно соскальзываю
с мысли

* * *

Весна начинает ощущаться не столько умом, сколько органически. Сначала снимаешь варежки, потому что руки перестают мерзнуть, потом забываешь шарф и вспоминаешь о нем, разве что стоя перед зеркалом. Потом из недр шкафа появляются резиновые сапоги, и вот уже не песок и вечная соль скрипят под ногами, а весело хлюпают лужи, вперемешку с рыжей московской глиной. Утренний будильник звонит не столь неожиданно, подбрасывая тебя в кромешной тьме над кроватью, а в комнате, наполненной сиреневой утренней дымкой. Вместо глинтвейна выбираешь пиво, и все заинтересованнее разглядываешь глянцевые журналы на странице "Мода". Да, февраль еще покажет себя, еще впереди снежные заносы и хмурые низкие тучи без следа солнца в раскисшем небе, но душу не обманешь, душа уже перешагнула отметку в календаре с условным делением "ВЕСНА".

оттепель
внезапно оживились
продавцы парфюмов

**кумои — разновидность японской гаммы. Полное название этой гаммы Hon Kumoi Shiouzhi.*

Людмила Скребнева

Волшебная сила искусства

С приходом тепла, когда дачные электрички переходят на летнее расписание, в вагонах появляются чумазые попрошайки из Средней Азии, нараспев читающие заунывные молитвы на непонятном языке. Подают им редко, большинство предпочитает уткнуться в окно или в газету. Привыкли… В один из таких дней между саженцами яблонь и вишен стоял мальчишка лет четырнадцати в тюбетейке и с аккордеоном. Мой брат учился в музыкальной школе игре на этом инструменте, и я знала, какого труда стоило играть так хорошо, как этот цыганенок. Где он этому научился?… Нахально поглядывая на пассажиров миндалевидными глазами, мальчик играл «Besame mucho». Даже самые хмурые и насупленные потянулись за кошельками.

besame mucho
последняя электричка
тает в тумане

Радион Хузин

***

сегодня такая метель… густая и пушистая…
как когда-то на зимних каникулах в деревне…
растопить (русскую? татарскую?) печь, не забыть вьюшки закрыть вовремя, тащить книжки из библиотеки, помочь задать корм скотине, разгрести наваленные перед воротами и во дворе сугробы, побарахтаться в них с друзьями, санки, дядькины охотничьи лыжи – на других не проедешь, натаскать в баню воды, для мытья головы снег в отдельные бачки – потому как вода мягкая получается…

лопата в снегу
бабушка зовёт
попить молочка

Николай Гранкин

лужайка у церкви
на солнечной стороне
одуванчики

светает
из окошка на чердаке
запах трав

опавший клён
на улице Ленина
пустой постамент

Кассандра

Соленый ветер.
Греется на камушке
Толстая чайка.

Опавшая листва.
Шаркает лапами
Сытый кот.

Александр Шитковский

бабье лето
на спящем коте
тени штакетин

осенний сумрак
на цветочном рынке
нет жёлтых хризантем

Ольга Черных

сухая земля
там где было озеро
скелет коровы

Ирина Касатонова

запах скошенных трав
работник ест помидор
с хлебом

снег и снег…
заметает табличку
«По газонам не ходить»

тихий шелест
прошлогоднюю листву
расталкивают пролески

Лада Турбина

хоть и дичатся
а как прежде в полном цвету
старые яблони

Виктория Углянцева

заросли вьюнков
на соседском заборе
трещат сороки…

Варвара Юшманова

Холодное лето.
В надувном бассейне
Жабёнок

Андрей Насонов

пеструха
в пятнах от облаков
пастбище

Иса

летние сумерки…
в дощатых сенцах
тянут гнездо ласточки

липкий снег
на сопке, у дома родителей,
горит высокий фонарь

Любовь Пахомова

Морозное утро
Над розовым дымом
Луна

Павел Сухолинский

морозный день
прохожий несет обнимая
клетку с кроликом

курильщик трубки
на заснеженной скамейке
протаявший круг

Виктор Ветлин

снегов белизна
в березовой роще
стайка сорок

большая луна
слетают один за другим
светлячки

Андрей Сулима

обильные дожди
истекают соком
ягоды черешни

колокольный звон
роса дрожит на кустике
чертополоха

Сергей Шпиченко

покосившийся дом
накатывает волной
нескошенная трава

капель
пьют воробьи
из яичного лотка

Радион Хузин

снегопад
потряхивает гривой
лошадь у кормушки

Виктория Углянцева

где аромат твой
где твой роскошный убор
кустик сирени
время цветенья прошло
словно себе говорю…

с кем поделиться
свободой лунных бликов
в пустой постели
где кроме снов нежданных
нет ничего для сердца…

твой сонный рокот
одна сегодня слышу
Чёрное море
как берега пустынны
в февральский день холодный…

под треск поленьев
гляжу в огонь безмолвно
не переспорить
ни скороговорки ливня
ни твоего молчанья…

нас только двое
вечером зимним в саду
тихая старость
это ли наша мечта
в пору цветенья сердец…

Виктория Углянцева
Родилась на Дальнем Востоке в Приморском крае, 40 лет жила и работала на Крайнем Севере в Североморске, сейчас живу в Курске. Очень люблю море и часто пишу о нём. Публикуюсь на сайте Стихи.ру. На сайте www.japanpoetry.ru известна под псевдонимом Кокоро.

Блиц-рэнку “Будда в Нагано”

Александр Шитковский — Иса

1.
тоненькими каблучками
и немолодая женщина
делает весну...

2.
шпилька за шпилькой
фиксируешь укладку

3.
рассаду мирабилиса
обмениваем на рассаду
ночных красавиц

4.
предлагаю на выбор
Фрунзенское и Партенит

5.
на теплом песке
учу рака–отшельника
плакать...

6.
крики чаек бессонных
возвращают к тебе

Блиц (нем. blitz — молния) — устройство, производящее кратковременную яркую вспышку для фотографирования, — в шахматах, шашках и некоторых других играх: партия с очень быстрым контролем времени, — и т.д.

Все это — дословный и не дословный переводы слова “блиц”. У нас же это носило скорее характер знакомства двух авторов, настройки. Очень быстрые, как вспышки, ответы, да и такие же вопросы. Смена сезонов зависела от настроения природы за окном и от снега в одной отдельно взятой местности. Началось очень спонтанно — один решил показать другому какое–то хайку. А дальше — просто как–то “вживую”, будто беседуя обо всем на свете — строфы. Авторство решили не выделять, характеры в общем–то видны. А если не видны — то это все товарищи улитки виноваты. Это они зовут и зовут писать строфы так, будто ощущаешь мир другим человеком, или объектом природы, или иным образом (от “образ” — объемный рисунок) . В этом же суть хайку (в том числе) — не привязываться к своей сущности...

7.
от подола
её ситцевого платья
начинается луг

8.
пара замерших ящерок
на валуне

9.
кто первый?!!
взапуски
до клёна у реки

10.
в сказках такое
только и бывает

11.
чур, не гадать! —
вручаю впригляду
букетик ромашек

12.
а в аське висит статус
занят, сильно занят

13.
всё о тебе
поёт на разные лады
вьюга за окном

14.
с бархатом сопок
ты не меняйся, сердце

15.
снова синхроним,
рассказывая
один и тот же сон

16.
сводит скулы в улыбке
от нашей разлуки

17.
весенним утром
форточку
распахивает ветер

18.
о коленки трётся
рыжий котяра

19.
пишу тебе
в скайпе
«Не забывай»

20.
только в объятиях
целое из частиц

21.
и тут и там
на розовом снегу
чернеют пятна

22.
откуда знать вам
как трудно ждать?!

23.
в глазницах
черепка вороны
первая трава

24.
с домашней скалы
спускаются мягкие змейки

25.
"От коня своего..."
в ушах
неотступно

26.
в центрифуге крутится
одинокая рубашка

27.
последний весенний
первый летний
затяжной дождь...

28.
не оставляет следа
самолётик

29.
в прудке
у погранзаставы
лотосы уже вовсю!

30.
с прошлой ночи
качает головой болванчик

31.
где ты
где я
бог его знает...

32.
чего же медлишь,—
подмигивает спутник

33.
полнолуние
не дождались картошки
угли костра

34.
поёт под гитару
пожилой геолог

35.
и тебя разбудил
на рассвете
шорох листвы?

36.
скукожились к центру
дольки красного лука

37.
по разные стороны света
ожидаем погоды
у моря дождей

38.
усмиряю дыхание
полынным ветром...

39.
за перелеском
собирается в путь
стая гусей

40.
как же тебя тут оставить,
куст поздних хризантем?!

41.
первый снег
от знакомой калитки
чьи-то следы

42.
соседская Маринка
показывает язык

43.
надо же
как прижился Дассен
в сельском клубе

44.
книга жалоб
на доске объявлений

45.
барменша
пристально смотрит
на след от кольца

46.
ночной бриз обнажил
загоревшие плечи

47.
на обратном пути
вдоль прибоя
песочные замки

48.
кофе в постель — ныряешь
серебряной рыбкой

49.
в Нагано
выставили днями
статую Будды

50.
дождь, полощет дождь
соцветия дицентры

51.
тропинки в саду
порозовел в одночасье
треснувший абрикос

52.
так и не вспомнил
чем закончился сон о тебе

Рэнга "Весенние дни"

Александр Галкин — Оксана — Елена Анохина

1.
Весенние дни.
Снова и снова тает
Потемневший лед.
(Александр Галкин)

2.
На первой передаче
Проплываю по перекрестку.
(Оксана)

3.
Серые тучи.
Водой наполняются
Следы на снегу.
(Елена Анохина)

4.
Из гаража. В авоське
Прошлогодний картофель.
(Александр Галкин)

5.
Сразу с порога
Тёплым пахнуло, родным.
"Ты хлеба купил?"
(Оксана)

6.
Трётся о грязный сапог
Полосатая кошка.
(Елена Анохина)

7.
"Мрём, словно мухи...
Вот и Борька сантехник —
Чуть-чуть не дожил..."
(Александр Галкин)

8.
Небо. Пустое. Синее.
Сколько песен в нём растворилось!
(Оксана)

9.
Искрошенный мел.
На подсохшем асфальте
Жёлтое Солнце.
(Елена Анохина)

10.
Звонко бьётся о стену
Туго накачанный мяч.
(Александр Галкин)

11.
Пыльный ковёр.
Привязалось к хлопушке
Дворовое эхо.
(Оксана)

12.
Вспомнился луг за рекой,
Босоногое детство...
(Елена Анохина)

13.
За джинсами «Lee»
Длиннющая очередь.
Пасмурный вечер.
(Александр Галкин)

14.
Ухватил крошку хлеба
Смелый воробышек.
(Оксана)

15.
Стая в вышине.
Пробует кошка на зуб
Первую травку.
(Елена Анохина)

16.
В парке немноголюдном
Сломанный аттракцион.
(Александр Галкин)

17.
Ни ветерка.
Над серым асфальтом
Гарцует бабочка.
(Оксана)

18.
Обживает скамейку
Влюблённая пара.
(Елена Анохина)

19.
Подыгрывает
На осипшем кларнете
Седой музыкант.
(Александр Галкин)

20.
Глоток сухого красного –
Пино Нуар с жасмином.
(Оксана)

21.
Весенний ливень.
Под дырявым навесом
Курим с бродягой.
(Елена Анохина)

22.
И кажется, что пропах
Ветром нездешним насквозь.
(Александр Галкин)

23.
Всего и принес –
Пыль бесконечных дорог
Да ветку сирени.
(Оксана)

24.
Вечереет. А хочешь,
Расскажу тебе сказку?
(Елена Анохина)

25.
Вдвоём в тишине.
Как в грозу, между нами
Всполохи молний.
(Александр Галкин)

26.
Всё сильнее, всё крепче
Рвёт полотнища ветер.
(Оксана)

27.
В небе прореха!
Льётся на влажные травы
Солнечный свет.
(Елена Анохина)

28.

Как ни в чём не бывало
Поправляешь причёску.
(Александр Галкин)

29.
Лёгкой волной
Расходится и исчезает
След от лодки.
(Оксана)

30.
Новорожденный месяц
Плещется в тихой воде.
(Елена Анохина)

31.
Звон колоколов
Летит на всю округу –
И ещё дальше.
(Александр Галкин)

32.
Едва коснулся ладони
Нежный ивовый пух.
(Оксана)

33.
Солнечный день.
Недовязанный свитер
В шкаф убираю.
(Елена Анохина)

34.
Лентою тропка вьётся –
Дальше, к зелёным холмам.
(Александр Галкин)

Примечание участников:
Расстояние по маршруту Серпухов — Ханты-Мансийск – Новый Уренгой по нашим ухабистым дорогам составляет примерно 3750 км. Высота Фудзиямы – 3,776 км. Итого 1000 Фудзи. Долго-долго ползи, улитка…

35.
«Весенние дни» —
Не спеша, тихо-тихо
Ползи, улитка.
(Оксана)

36.
От Москвы до Ямала
В тысячу Фудзи твой путь.
(Елена Анохина)

Галкин Александр (г. Серпухов)
Оксана (г. Новый Уренгой)
Елена Анохина (г. Ханты-Мансийск)

Ольга Черных

МоноРэнгушки

* * *

мишура
пропахли нафталином
все ее платья

пока бьют часы
пьем за исполнение желаний

бодрячком
стараются не спать
однокашники

сквозь дырочки в тюле
разноцветный салют

прячется под диваном
подкинутый давеча
котёнок

скисло за ночь
молоко в блюдце

дочка звонила
а поговорить не о чем
жалуюсь вполголоса

из всех советов
таблетка валидола

мусорное ведро
поверх всего прочего
мишура

Дом с видом на кладбище

сквозь немытое окно
весь в пылинках
рассветный луч

поселилась муха
в карточном домике

игра в дурака
хлопнули по рюмашке
за отсутствующих дам

совсем выцвел
платок на пугале

стая ворон
над колокольней
серое, серое небо

телогрейка
на голое тело

от крыльца
до сортира
пол козьей ножки

пожелтевшие кончики
пальцев

стук в дверь
с самого утра
моросит дождь

звякнул и замолк
звонок велосипеда

телеграмма
и в этом году
сын не приедет

под белой простыней
треснувшее зеркало

первый снег
кладбище
с видом на дом

* * *

пустынный двор
выбивает ковер
одинокий сосед

прошмыгнула к лифту
чья-то тень

не зови
не выйдет гулять
школьный товарищ

контрольная работа
пускаем самолетики

карнавал
такой тесный
костюм Снегурочки

в подсобке физрука
фрукты и шампанское

утро нового года
вокруг
одни снежные бабы

Танка и вака: где зарыта собака?

Беседа с японским литературным критиком Оока Макото

Отрывок из сборника литературного критика Оока Макото, содержащего эссе и консультации по японскому языку «Нихонго-со:дан» (изд. в 1995 году), где собраны его ответы на вопросы радиослушателей. Он вел соответствующую передачу по радио, а потом опубликовал свои ответы на вопросы слушателей в отдельной книге.

Господин Оока Макото* отвечает на вопросы радиослушателей по теме «*В чем разница между вака и танка*?»

Вопрос:

Читая на днях Ваше эссе, заметила, что Вы все время называете стихотворения Сакамото Рема словом *вака*. С моей точки зрения, стихи Сакамото ничем не отличаются от современных *танка*. Получается, разница между *вака* и *танка* только в названии, а по содержанию это одно и то же?

Ответ:

Поскольку мне не хотелось бы давать Вам ответ в духе урока по истории литературы, позвольте привести цитату поэта Кубота Уцубо (родился в 10 г. эпохи Мэйдзи (1877 г.)**, скончался в 42 г. эпохи Сёва (1967 г.) в возрасте 89 лет) из его произведения «Путь развития *ута*». Это текст из 8 тома полного собрания его сочинений, написанный в 12 г. эпохи Сёва (1937 г.).

Текст начинается так: «В начале 30-х годов эпохи Мэйдзи, когда у нас возник глубокий интерес к ута (поэзия древней Японии. – Ред.), то, что мы сейчас называем *танка*, тогда называлось *вака*. Название вака было выбрано в противовес названию *канси* (букв. «китайские стихи») и означало «песни Ямато» (древнее название Японии. – Ред.) или «японские песни».

Далее Уцубо повествует о том, как происходил процесс замены названия *вака* на *танка*, делясь поистине интереснейшими наблюдениями и личными воспоминаниями. Я не имею возможности ознакомить вас с подробным содержанием его комментариев, но все же позволю себе привести один. Он касается периода начала 30-х годов эпохи Мэйдзи, который последовал вслед за победой Японии в японо-китайской войне 27–28 гг. (1894–95 гг). Название *вака* долгое время использовалось в противовес *канси*. Однако, после того, как была одержана победа над Цинским Китаем (передовой цивилизацией, одним из высших достижений которой и стала поэзия канси), самосознание и самоуважение японского народа резко выросли, в результате чего и произошел пересмотр названия *вака*. Вместо него предлагались различные варианты, такие как например *кокка* («народная песня») *кокуси* («народные стихи»), *танси* («короткие стихи»), *танка* («короткая песня») и т.д.

Таким образом пересмотр названия традиционной поэзии оказался связанным с ростом национализма в стране. Однако были и другие факторы, повлиявшие на окончательный выбор названия *танка*.

Одним из таких факторов было появление поэзии *синтайси* («стихи новой формы»), захватившей сердца молодежи того времени благодаря таким поэтам как Симадзаки Тосон. Поэзия *синтайси* была предшественницей поэзии *гэндайси* (“современные стихи”, по форме — верлибр). *Синтайси* зародилась полностью под влиянием западной поэзии (*поэтри*). Теперь вместо высшего достижения передовой китайской цивилизации (поэзии *канси*) перед японскими поэтами предстала западная *поэтри*. Название *вака* неизбежно поблекло на этом фоне. Слово *ута*, которое широко использовалось с древних времен вплоть до конца XIX века, будучи словом из эпохи

**Оока Макото (1931) — Известный японский поэт и литературный критик. Одно время он возглавлял японское отделение Пен-клуба. Его стихи (в жанре си, верлибры) переведены на разные языки. Увлекался рэнку, в начале 70-х годов положил начало новому жанру — рэнси. Автор множества работ о поэзии и искусстве. Имеет много наград.*

***Даты в соотнесении к европейскому календарю:*

10 г. Мэйдзи — 1877 год

42 г. Сёва — 1967 год

12 г. Сёва — 1937 год

31 г. Мэйдзи — 1898 год

Ямато, уже не могло нести поэтического выражения нового времени.

В результате всех этих проб и пересмотров, в конце концов, естественным образом закрепилось название *танка*.

По правде говоря, слово *танка* было известно со времен «Манъёсю». Оно служило названием короткой поэтической формы 5-7-5-7-7 и было тесно связано с названием *тёка* (или *нагаута* – длинная песня, *тёка* и *нагаута*, в сущности, одно и то же). Однако, название *танка*, закрепившееся в конце 30-х годов эпохи Мэйдзи, уже не имело старого значения *танка*, которое было непосредственно связано с названием *тёка*. Теперь оно культивировалось в качестве названия совершенно самостоятельной короткой поэтической формы. Форма *тёка* к тому времени практически сошла со сцены, и лишь немногие поэты время от времени использовали ее.

Именно в связи с вышеописанным историческим контекстом я и использовал слово *вака*, когда писал об ута Сакамото Рёма, жившего в конце эпохи сёгуната, но писавшего в духе «Кокинсю» (антология японской лирической поэзии вака, 922 г. – Ред.).

Первым провозгласил необходимость реформирования жанра *вака* Масаока Сики (1867 – 1902). Тем не менее, в своей работе, посвященной необходимости этой реформы, он использовал только слово *вака*. Интересно, что даже для такого революционера как Сики в то время, когда он начал публиковать свои тексты в газете «Нихон» (весной 31 г. эпохи Мэйдзи), слово танка было еще недостаточно привычным.

Это перевод того, что непосредственно звучало по радио. Но отдельно, в качестве подтверждения своих суждений, в этой книге Оока Макото приводит тексты коллеги Маруя Сайити в качестве примечания.

Маруя Сайити* о нюансах различия вака и танка**

Разрешите мне привести и собственные комментарии по данному вопросу. Разумеется, я ни в коем случае не намерен как-то противоречить тому, что говорит г-н Оока Макото. С моей точки зрения, разница между вака и танка примерно такова (я имею в виду разницу между хэйанской вака и современной танка):

ВАКА

1. Как правило, в вака используются исключительно *ямато-котоба* (слова японского происхождения). *Канго* (слова китайского происхождения) используются исключительно в песнях буддийского содержания и в других особых случаях.

2. Свободно используются *макура-котоба* – постоянные эпитеты к определенным словам (например, *хисаката но* – к «небу» и всяким небесным светилам).

3. По необходимости используются *дзё-котоба* (слова-зачины). Это могут быть даже не отдельные слова, а целые блоки, которые как бы вводят следующее за ними слово, будучи с ним связанными ассоциативно. *Дзё-котоба* отличается от *макура-котоба*, во-первых, размером: *макура-котоба*, как правило, состоит из одного стиха в четыре или пять слогов, а *дзё* может быть раза в два (или даже более) длиннее. К тому же *макура-котоба* – это слова вполне определенные, все они зафиксированы в словарях, а *дзё* могут составляться довольно свободно. Пример:

あしびきの山鳥の尾のしだり尾の長々し夜をひとりかもねむ

асибики-но ямадори но о но сидари о но наганагаси ё о хитори камо нэму

(Какиномото Хитомаро, 7 век)

Здесь «асибики но» — это *макура-котоба* к «яма». Но всё вместе взятое до «нага-нагаси» – *дзё* к «наганагаси». Смысл заключен только в последней части: «Неужели мне придется провести одному эту длинную-длинную ночь?» И к слову «длинную-длинную» — развернутое определение «(длинный) свисающий хвост фазана из распростертых («асибики» – трудно переводимое слово, имеются другие варианты перевода) гор». Причем, это *дзё* строится не как сравнение (хотя подспудно это так, но никаких формальных слов это подтверждающих нет), а просто как бы прирастает к слову, к которому относится. «Наганагаси» — входит в дзё и одновременно является основным смысловым элементом завершающей части стихотворения. Точно также и *макура* «асибики», связан-

*** *Маруя Сайити (1925 – 2012) — известный прозаик, литературовед, переводчик. Ему принадлежит много работ по классической японской литературе, особенно по поэзии вака.*

ное с горой («яма») здесь присоединяется к слову «ямадори» только на том основании, что это слово имеет компонент – «яма».

4. Также используются *энго* (слова, связанные между собой таким образом, что появление одного слова из пары немедленно по ассоциации влечет за собой появление второго. Например, «юки» (снег) и «киэру» (исчезать, таять)) и *какэ-котоба* (омофоны – слова с одинаковым звучанием, но с разным значением и написанием, например, «мацу» – «ждать» и «сосна»).

5. Можно отметить внимательное отношение к ута-макура (географические названия, использующиеся в качестве постоянных эпитетов, вызывающих у читателя определенный закрепленный за ними поэтический образ). Например, «укисима» (название острова), вставленное в стихотворение, привносит ощущение печали, связанное с «уки» 憂き (горестный), или зыбкости – «уки» 浮き (плавающий).

ТАНКА

1. Как правило, свободно используются *канго* (слова китайского происхождения) и *ёго* (слова европейского происхождения).

2. Практически не используются *макура-котоба*.

3. Практически не используются *дзё-котоба*.

4. Не используются *энго* и *какэ-котоба*.

5. Даже когда в тексте встречаются географические названия, по большей части, это просто географические названия, не содержащие, подобно ута-макура, восхваления достопримечательностей названной провинции.

Перевод Марии Русяевой

Материал, пояснения терминов и дополнительные комментарии предоставлены Т.Л.Соколовой-Делюсиной, российским востоковедом, переводчиком с японского языка. Татьяна Львовна - автор переводов классических японских поэтов, пьес театра но и прозы. В апреле 2008 года в соответствии с указом императора Акихито за свой многолетний труд она получила одну из высших наград страны — Орден Восходящего солнца (Золотые лучи с розеткой).

Татьяна Иосифовна Бреславец

«ОЧЕРК СТИХОСЛОЖЕНИЯ» ФУДЗИВАРА ТЭЙКА

Поэзия аккумулирует исторический опыт своего времени, а также опыт предшествующих эпох, запечатленный в устойчивой поэтической традиции. Для Японии XII—XIII вв. поэтическое прошлое обретает актуальный смысл в свете идеологии осознанного традиционализма, основоположником и последовательным проводником которого был поэт и теоретик поэзии Фудзивара Сюндзэй (1114—1204). Фудзивара Тэйка (1162—1241), восприняв учение отца, подошел к диалектическому пониманию соотнесенности старого и нового в поэтическом творчестве как источнику развития поэзии и обосновал это в своих работах.

В трех трактатах, принадлежащих Тэйка, — «Киндайсюка» («Прекрасные песни нашего времени», 1209—1215), «Эйгатайгай» («Очерк стихосложения», 1215—1222), «Майгэцусё» («Записки из месяца в месяц», 1219) — анализируется поэтика японского классического стиха.

Трактат «Эйгатайгай» посвящен поэтике реминисценций. Атрибуция этого произведения вызывала сомнение, поэтому японский ученый Фудзихира Харуо обращается к колофону Рэйдзэй Тамэхидэ, правнука Тэйка, в котором указывается, что копия сделана с рукописи автора, т. е. самого Тэйка. Время создания произведения неизвестно. Японские филологи предполагают, что это произошло после 1221 г., и согласно колофону Тамэхидэ название трактату мог дать сам Тэйка. В эпоху Эдо (XVII—XIX вв.) трактату был придан статус одного из трех сочинений Тэйка, хранящих секреты поэтической традиции (самбунсё дэндзю). Вслед за разработкой Иио Соги (1421— 1502), известным поэтом рэнга (связанные строфы), «Эйгатайгайтю» («Комментарии к «Эйгатайгай»), появилось множество подобных записок, и интерес к памятнику возрос.

Так же, как и предыдущее, сочинение состоит из двух частей — теоретической, написанной на китайском языке, и стихотворной, озаглавленной «Сюкатэйтайряку» («Собрание прекрасных песен»). Краткое по форме, но емкое по содержанию произведение говорит о взглядах Тэйка на стихосложение вака (японская песня), которых он придерживался в последний период жизни. Основные положения теоретической части и примеры песен соотносятся с первым трактатом, однако в «Эйгатайгай» отсутствует раздел, касающийся истории вака, и в целом трактат представляет более углубленную разработку принципов и методов стихосложения, начатую в «Киндайсюка». 103 выдающихся песни (сюка) были выбраны Тэйка из восьмитомного собрания императорских антологий.

Если в первом трактате «Киндайсюка» конкретно и подробно рассматривается метод хонкадори (следование изначальной песне) — аллюзии, то во втором «Эйгатайгай» объясняются еще и такие категории, как котоба (слово), футэй (стиль), кэйки (настроение).

«Слово» (котоба), поэтические средства и приемы, в целом — материал стиха, мыслится как способ существования прошлого в настоящем; душа (кокоро), суть и содержание поэзии, определяет присутствие новаторского начала в творчестве. Реализация сложного соотношения традиции и современности заключена для Тэйка в создании высокохудожественной формы произведения, выражающего единство души и «слова». Выделение таких категорий, как котоба — формальной стороны поэзии и кокоро — ее смысловой наполненности, поиски соответствия между ними выявляют пути разработки учения о гармонии, ставшего главным в теории японского стиха.

«Кэйки — настроение, о котором здесь говорится, — это «умозрительный» факт, вызванный образом (имэдзи), который создан в выразительном мире старых песен. Он используется для того, чтобы можно было собственное субъективное видение влить в старое содержание — в мир классической красоты, погрузить свою душу в эмоциональный настрой старых песен, взятых из антологий, которые обычно называются, в том числе из повести «Исэ моногатари», трактуемой как поэтическая антология. Практически это мир трех первых императорских антологий (сандайсю). Кэйки — это способ создания лирического произведения путем внедрения новой души (кокоро) в мир классической красоты. При этом проповедь погружения в поэтическую атмосферу прошлого осуществляется без терминологических сложностей, связанных с сочинением стихов» .

Способ установления связи с прошлым приемами художественной речи в практике японской поэзии вылился в концепцию хонкадори. Были разработаны варианты «присвоения чужого» и пути «переклички поэтов».

Фудзивара Тэйка чрезвычайно активно пользовался отсылками к предшествующей литературе для расширения семантического поля танка (короткая песня). Более того, он предлагал размышлять об особенностях старинной японской поэзии (вака) или читать китайские стихи (канси) в целях очищения души. Это наставление прозвучало и в «Майгэцусё», и в «Эйгатайгай».

По наблюдению И. А. Борониной, «японская классическая поэзия как каноническая структура характеризуется

определенной условностью. Важную роль в этом играют и слова-сигналы, и известная закрепленность образов за определенными ситуациями. Складывается эстетика традиции, эстетика привычного, знакомого, установленного. Существовал спектр привычных тем, мотивов, набор поэтических образов, тропов, топонимов. Мастерство поэта проявляется в умелом варьировании общепринятыми образными клише. Его задачей было выявить новый аспект, отразить новый нюанс, найти и воспеть «аварэ», еще не выраженное до него».

Тэйка довел до совершенства прием аллюзии (хонкадори), который представляет разного рода заимствования из произведений предшествующей литературы. Использование приема создает обширный культурный контекст для поэтического сочинения, выводит его содержание за рамки текста и с помощью отсылок, намеков и прямых текстуальных включений, вплоть до цитирования, способствует рождению ассоциативного фона.

Начальный этап в формировании приема хонкадори раскрывает поэзия «Манъёсю», в которой обозначается явление контаминации, типичное для фольклорной стадии развития поэзии. «Наиболее типичны для этой антологии заимствования, которые приводили к появлению общих зачинов, общих концовок, «общих мест», т. е. к появлению различных вариантов песен. Эти варианты японские ученые обычно определяют термином «руйка» (сходные песни) и справедливо указывают, что это результат прямого влияния устной традиции народного творчества (в отличие от хонкадори — обязательного приема литературной поэзии). В этом объяснении дана правильная аргументация, но не учтена диалектическая связь этих явлений. Они качественно различны, но органически связаны между собой и представляют, по сути, одно явление, только на разных (качественно иных) уровнях развития. Кроме того, термин «руйка» характеризует не сам прием, а является обозначением для близких вариантов песен. При такого рода заимствованиях, которые встречаются в «Манъёсю», происходит как бы «смешение» двух разных произведений, то, что именуется контаминацией и, как известно, очень распространено в народной поэзии». С другой стороны, «песни более ранних слоев антологии могли рассматриваться поэтами более позднего периода как образцы «прежней» поэзии».

В качестве примера хонкадори И. А. Боронина приводит стихи неизвестного поэта из цикла «Поют о луне» седьмой книги «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», 1085):

Имо га атари	***Любимой***
Ва га содэ фураму	***Я рукавом помахаю.***
Ко но ма ёри	***Из-за деревьев***
Идэкуру цуки ни	***Выходящую луну***
Кумо на танабики	***Не застилайте, облака!***
(Неизвестный поэт)	*(Перевод И. А. Борониной)*

Автор заимствует две с лишним строки из стихотворения Какиномото Хитомаро (680—710), сложенного после расставания с женой:

Ивами но я	***В Ивами,***
Такацуно яма но	***С горы Такацуно,***
Ко но ма ёри	***Из-за деревьев***
Ва га фуру содэ о	***Я рукавом махал —***
Имо мицураму ка	***Любимая увидела, наверно.***
(Какиномото Хитамаро)	*(Перевод И. А. Борониной)*

Однако во времена «Манъёсю» прием аллюзии еще не мог найти широкого применения. Гораздо чаще его стали использовать к концу IX столетия, и антология «Манъёсю» послужила источником для заимствований.

Мусубу тэ но	***Зачерпнешь рукой***
Исима о сэба	***Чистую воду источника,***
Миокуяма но	***Что средь скал***
Ивагаки киёмидзу	***В глухих горах повстречал,***
Акадзу мо ару кана	***Но вволю не напьешься ею!***
(Какиномото Хитамаро)	*(Перевод Т.И. Бреславец)*

Японская исследовательница Танака Ютака сравнивает стихотворение Хитомаро с произведением Ки-но Цураюки (872—920) и заключает, что заимствованный текст затрагивает образно-тематическую ткань сочинения (кокоро-котоба) и сконцентрирован в полу-метафорическом введении (дзёси). По мысли филолога, подобный тип использования материала предшествующей поэзии близок созданию песен разряда руйка — однотипных. Существует также специ-

альное обозначение для источника подобных заимствований широкого плана — токока — «присвоение старинной песни».

Мусубу тэ но
Сидзуку ни нигору
Яма но и но
Акадэ мо хито ни
Вакарэнуру кана
(Ки-но Цураюки)

Зачерпнула рукой —
И от упавшей капли замутился
Источник горный.
Не напившись вволю,
С тобой расстаться мне пришлось.
(Перевод Т.И. Бреславец)

Танка помещена в книге «Песни разлуки» антологии «Кокинвака-сю» («Собрание старых и новых японских песен», 905—920) и обнаружена еще в четырех поэтических собраниях. В предисловии к ней говорится о случайной встрече с женщиной у источника на горном перевале Сига. Этому стихотворению дал высокую оценку Фудзивара Сюндзэй в трактате «Корайфутайсё» («Записки о стилях, старых и новых», 1204): «В песне, начиная от слов «Зачерпнула рукой», все в целом: слова, сюжет, образность непревзойденны. Действительно, идеальный поэтический стиль можно видеть в этой песне».

У Цураюки с большим искусством применены специфические приемы японской поэтики. Три первые строки представляют полу-метафорическое введение (дзёси) к слову «акадэ», которое является двузначным и выступает в качестве приема какэкотоба — омонимической метафоры. Введение, использованное Цураюки, обозначается в японской поэтике как «усин-но дзё» — «введение, содержащее душу». Иными словами, изображенная в нем картина тесно смыкается с главной мыслью произведения — его «душой» (кокоро), создавая эффект образного параллелизма. Примером могут служить стихи Мибу Тадаминэ (898—920) и Ки-но Цураюки, в которых о красоте женщины говорится иносказательно как о молодой траве под снегом или горной вишне в тумане.

Касуга но но
Юкима о вакэтэ
Ооидэкуру
Куса но хацука ни
Миэси кими ва мо
(Мибу Тадаминэ)

На поле Касуга,
Снега раздвинув, едва-едва
Пробилась травка —
Вот так и ты на миг короткий
Повстречалась мне...
(Перевод Т.И. Бреславец)

Подобно травке, едва заметной в снегу, возлюбленная промелькнула перед поэтом, и с тех пор он о ней тоскует. Введение (дзёси) этого стихотворения И. А. Боронина определила как образное сравнение косвенного характера.

Ямадзакура
Касуми но ма ёри
Хонока ни мо
Митэси хито косо
Коисикарикэрэ
(Ки-но Цураюки)

Горная вишня
В весеннем тумане
Смутно виднеется...
На миг увиделся с тобою —
И вот любовью озарен!
(Перевод Т.И. Бреславец)

В танка говорится о неожиданной встрече с женщиной, мысль о которой теперь волнует поэта. Здесь тот же тип введения, что и в стихотворении Тадаминэ, — наполненный чувством, эмоциональным переживанием, которое выливается в образное косвенное сравнение человека с природой — прекрасной горной вишней, едва различимой в тумане.

Один из ранних примеров использования данного художественного средства :

Яма но ха ни
Сасиидзуру цуки но
Хацухацу ни
Имо о со мицуру
Коисики мадэ ни
(Какиномото Хитомаро)

Как светлую луну, что выплывает
Из-за высоких гребней дальних гор,
Едва-едва
Любимую я видел,
И как потом я буду тосковать...
(Перевод А. Е. Глускиной)

Что касается приема какэкотоба, то в стихах Цураюки и Хитомаро слово «акадэ» является отрицательной формой глагола «аку» — «пресыщаться». «Ака» в составе звукового комплекса «акадэ» имеет значение «святая вода, приносимая в жертву Будде». Это случай лексико-грамматического какэкотоба при частичной омонимии.

Оба приема, дзёси и какэкотоба, делают стихотворение Цураюки иносказательным. Его содержание раскрывается как любовное приключение хэйанского кавалера и может быть названо банальным, но изысканность стиля и виртуозность техники придают ему своеобразие.

Введение (дзёси), созданное Цураюки в этой танка, также может рассматриваться как образное сравнение косвенного свойства. Автор исподволь сравнивает кавалера с чистой водой горного источника, подобной святой воде Будды. «Зачерпнув» из этого источника, женщина смутила его покой. Предполагается, что источник оказался мелким, если он замутился от одной упавшей капли воды, и из него невозможно было напиться. Это свидетельствует о незначительности чувства, которое испытывал кавалер.

В предисловии Цураюки к антологии «Кокинвакасю» упоминается танка из «Манъёсю» (3807), отзвуки которой ощутимы в его стихотворении:

Асакаяма
Кагэ саэ миюру
Яма но и но
Асаки кокоро о
Ва га омованаку ни

(Неизвестный поэт)

Мелок тот колодец — в нем
Даже тень горы видна
Той, что Мелкой названа.
Но моя любовь к тебе
Не мелка, как та вода.

(Перевод А. Е. Глускиной)

Название горы Мелкой, тень которой способна отразиться даже в горном источнике, становится в поэзии устойчивым образом неглубокого, поверхностного чувства, легкого увлечения. То же самое следует сказать и о горном источнике, который всегда представляется мелким. Аналогичный мотив присутствует и в танка из «Кокинвакасю»:

Яма но и но
Асаки кокоро мо
Омовану о
Кагэ бакари номи
Хито но миюраму

(Неизвестный поэт)

Сердце мелкое,
Будто горный источник,
Любить не может.
Лишь только тень твою я вижу,
Тоскуя по ночам...

(Перевод Т.И. Бреславец)

Возлюбленный сравнивается с тенью Мелкой горы, которая отражается в мелком горном источнике. Возникающие ассоциации рождают сомнение в глубине любви.

В своей танка Цураюки показывает, что чувство не захватило кавалера и он расстался с женщиной, обменявшись с ней лишь несколькими словами. Образ мелкого горного источника вызывает дополнительные эмоции благодаря ассоциативной общности с двумя названными стихотворениями неизвестных поэтов.

В стихотворении Цураюки ощущается «избыток» формы. По мнению Уэда Макото, он слишком связан поэтической техникой. Цураюки рационалистичен в чувствах, так как не само чувство, а изящная словесная форма его воплощения занимает поэта. Совершенствование формы стиха закономерно ведет Цураюки к суггестивной лирике. Он был выдающимся мастером сложного поэтического языка, подразумевающего невысказанное эмоциональное содержание. В стихотворении Цураюки много неясного. Его предисловие не раскрывает всех обстоятельств встречи у горного источника. Танка требует читательского сотворчества, пробуждает воображение и фантазию, рождает ассоциации намеками на предшествующую поэзию.

Заимствования, к которым прибег Цураюки, многослойны, не ограничиваются одним источником, однако песня-прототип использована им без серьезного переосмысления. Правила хонкадори, как известно, возникли гораздо позднее, были сформулированы в трудах Фудзивара Сюндзэй и Фудзивара Тэйка.

В XI в. дочь Сугавара Такасуэ (род. в 1008 г.), описывая в «Сарасина никки» («Дневник Сарасина», 1060) путешествие в Восточные горы к востоку от реки Камо в столице Хэйан, где располагалось множество буддийских храмов, показала пример использования аллюзии на стихотворение Ки-но Цураюки: «Одна из моих спутниц, зачерпнув воду рукой, пила из пригоршни, а потом сказала: «Наверное, это та самая вода, которой не напьешься вдосталь?». Я в ответ произнесла:

Окуяма но	*Здесь, глубоко в горах,*
Исима но мидзу о	*Воду, что бьет между скал,*
Мусубиагэтэ	*- Ты зачерпнула рукою,*
Акану моно то ва	*Только теперь познав*
Има номи я сиру	*Неутолимость жажды.*
(Сугавара Такасуэ)	*(Перевод И.В. Мельникова)*

Та, что пила воду, ответила:

Яма но и но	*Чем в давнем том колодце*
Сидзуку ни нигору	*Паденьем капель замутненная вода,*
Мидзу ёри мо	*Мне влага эта более желанна,*
Ко ва нао акану	*Не утолится ею*
Кокоти косо сурэ	*Душа моя.*
(Сугавара Такасуэ)	*(Перевод И.В. Мельникова)*

На обратном пути закатные лучи так ясно озарили все вокруг, что даже столица видна была вся до последнего уголка, а та дама, «замутившая воду в колодце», сказала, что возвращается домой».

Первое стихотворение связано с танка Хитомаро как ее свободное переложение, только заключительная строка несет новое суждение, но лишь в качестве вывода из танка Хитомаро. Второе стихотворение апеллирует к танка Цураюки, сравнивая настоящее с прошлым, и между поэтами возникает прямой диалог. Оба стихотворения из «Сарасина никки» еще не могут служить образцом приема хонкадори.

«Особого развития поэтика реминисценций достигает к XII в., т. е. к концу хэйанского периода, когда поэтическое прошлое приобретает смысл классики и обращение к нему становится выражением осознанного традиционализма. Например, в 21 из 102 песен, входящих в 4-ю книгу «Песен любви» антологии «Синкокинсю» (1205г.), содержатся реминисценции из произведений прошлых лет. Значительно увеличивается временной отрыв от прототипа. В качестве последнего чаще всего используется материал «Кокинсю», антологии, заложившей основы поэтического канона, которую отделяет от «Синкокинсю» период в триста лет. Реминисценции обычно включаются в контексты, хотя и аналогичные по характеру (т. е. не контрастирующие), однако существенно отличные по идейному замыслу, общему настрою и т. д. от исходного произведения. Это явилось следствием изменения содержания и характера поэзии, непосредственно связанного с эволюцией мировосприятия и эстетических воззрений ее создателей».

Мусубу тэ ни	*Рукой зачерпнул —*
Кагэ мидарэюку	*И встревожил сияние луны*
Яма но и но	*В источнике горном.*
Акадэ мо цуки но	*Не успел им налюбоваться,*
Катабукиникэру	*Как уже закатилась луна!*
(Дзиэн)	*(Перевод Т.И. Бреславец)*

Дзиэн (1155—1225), поэт эпохи «Синкокинвакасю» («Новое собрание старых и новых японских песен», 1201—1216), обращается к сочинению Ки-но Цураюки («Мусубу тэ но») как к «изначальной песне» — хонка. Персонаж его стихотворения, возможно, отшельник, обитающий в горах, черпает воду из источника, чтобы его очистить. Вода отстоится и сделается прозрачной, тогда он сможет увидеть в ней сияние луны. Сравнение со стихотворением Цураюки заставляет предположить, что потревоженная вода замутилась и в ней стало невозможно наблюдать свет луны, который вскоре исчез.

Первая строфа (три строки) остается по традиции преамбулой (дзёси) основного поэтического изложения, однако в ней возникает иной мотив: не замутил воду, а потревожил отражение.

Определяемое слово «акадэ» со значением уступительное™ сохраняется неизменным, но к нему присоединяется оригинальное высказывание. Так задается схема, по которой происходит конструирование текста в рамках приема хонкадори.

Содэ ни фукэ	*Ветер прибрежный,*
Садзона табинэ но	*Развевай одежд рукава!*
Юмэ мо мидзи	*Ночлег в пути*
Омоу ката ёри	*Мне снов не принесет —*
Каёу уракадзэ	*Так ты подай весть о любимой…*
(Фудзивара Тэйка)	*(Перевод Т.И. Бреславец)*

Японский исследователь Фудзихира Харуо «изначальной песней», заинтересовавшей Тэйка, считает стихотворение Гэндзи из главы «Сума» романа «Гэндзи моногатари» («Повествование о Гэндзи», 1010— 1014): «Взяв кото, он тронул пальцами струны, но даже в звуках, рожденных его собственной рукой, послышалось ему что-то жутковатое, и он перестал играть.

Коивабитэ	***Чудится мне***
Наку ото ни магау	***Чей-то плачущий голос далекий***
Уранами ва	***В плеске волны.***
Омоу ката ёри	***Не оттуда ли дует ветер,***
Кадзэ я фукураму	***Куда мои думы стремятся?***
(Мурасаки Сикибу)	*(Перевод Т. Л. Соколовой-Делюсиной)*

— произнес он, а приближенные, разбуженные звуками его голоса, восхищенно внимать стали и, растроганные до слез, поднялись, всхлипывая украдкой».

Анализируя особенности приема хонкадори в творчестве Тэйка, японский исследователь отмечает оригинальность в применении избранной песни. Фудзихира Харуо пишет: «Стихотворение Тэйка не следует воспринимать как выражение чувств принца Гэндзи. Прибегая к «изначальной песне», поэт «перемещает» себя в мир «Гэндзи моногатари», в местечко Сума, и в этом мире им овладевают чувства странника».

В трактате «Эйгатайгай» Тэйка разъяснял: «Содержание (кокоро) — это то, где прежде всего нужно создавать новизну. Ищите идею (кокоро), о которой еще не писал ни один поэт, и напишите о ней. Что касается выражения (котоба), то здесь нужно пользоваться старым. Нельзя забывать того языка, который сложился благодаря мастерам трех императорских антологий. Необходимо также использовать стихи старых поэтов «Синкокинвакасю». Поэтический стиль (футэй) — то, чему необходимо учиться на образцах известных песен выдающихся мастеров. Увидев прекрасную песню, следует перенимать ее стиль, независимо от того, к какому времени она относится».

Тэйка предлагает творчески подойти к использованию приема хонкадори, чтобы не утратить поэтической индивидуальности, придать танка своеобразие. Он подсказывает, что в ряде случаев лучше воздержаться от употребления двух первых строк «изначальной песни». О том, в какой степени можно обращаться к заимствованиям, поэт говорит в «Эйгатайгай»: «Когда создаешь новую песню, используя старую, прибегать к трем стихам из пяти будет чрезмерным и несамобытным. Сверх двух стихов допустимо оставить три-четыре слога» .

К умеренности в эксплуатации песни-прототипа Тэйка призывает и в трактате «Майгэцусё», настаивая на том, что не следует брать слишком много слов «изначальной песни», достаточно двух, но поместить их необходимо в разных частях стихотворения — в верхней и нижней строфах. Для примера он приводит стихотворение анонимного автора из «Кокинвакасю»:

Юугурэ ва	***Вечером***
Кумо но хататэ ни	***За край смятенных облаков***
Моно дзо омоу	***Стремятся мои мысли!***
Амацусора нару	***Далекую, как небо,***
Хито о коу тотэ	***Люблю я, говорят...***
(Неизвестный автор)	*(Перевод Т.И. Бреславец)*

Тэйка предлагает выбрать из пятистишия два выражения «кумо но хататэ» — «края смятенных облаков» и «моноомоу» — «беспокоиться», «тревожиться» для претворения в новом сочинении, но в разных его строфах. .

Тэйка не сводит сущность приема к простому цитированию, он сторонник изобретательного его применения, и этому способствует также изменение метрической позиции чужих стихов в танка-реминисценции. Анализируя сочинения «Сэнгохякубан утаавасэ» («Поэтический турнир в 1500 пар строф», 1201), он говорил: «Следует начальную строку переделать в заключительную, а заключительную — в начальную» . Позднее, в 1217 г., поэт писал: «Если извлекаются слова из третьей строки изначальной песни, то лучше всего помещать их в последних строках новой танка, чтобы достичь успеха».

Еще одну особенность приема хонкадори Тэйка обозначил в трактате «Эйгатайгай»: «Не будет ли замысел чрезвычайно мелким, если слова старой песни использовать в новой с той же целью? Например, используя стихи о цветах, писать о цветах; используя стихи о луне, писать о луне. Если, используя песни о четырех временах года, писать любовные и смешанные песни, а используя любовные и смешанные песни, писать о четырех временах года, то в каждом подобном случае, наверно, будет не сложно прибегать к старой поэзии». Тэйка видит необходимость трансформации тематики и мотивов «изначальной песни» для ее возрождения в новом варианте. В его трактовке приема хонкадори уже

сложившиеся в лирике ассоциативные связи должны преобразовываться, становясь фоном для новых впечатлений.

Аналогичную мысль поэт высказал и в трактате «Майгэцусё»: «Что касается хонкадори, то, как я уже говорил, только выдающийся мастер может писать о цветах, используя песню о цветах, и писать о луне, используя песню о луне. Другим же следует изменить тему и, беря песню о весне, писать о зиме или осени, а беря песню о любви, писать о временах года или на смешанную тему, при этом нужно слагать так, чтобы чувствовалось, какая именно песня взята за основу». Очевидно, что Тэйка особо выделяет значимость литературной реминисценции как контекста культуры, узнавание которой пробуждает творческую фантазию читателя, стимулирует взаимодействие с художественной традицией путем установления ассоциативных соответствий.

Обычай упоминания старинного стихотворения стал признанным в японской поэзии. Иногда намек заключался в повторении нескольких известных ключевых слов, взятых из оригинала, иногда были тождественны поэтический образ или сюжет. Возникало сложное напластование нового стихотворения на старое, потому что смысл и атмосфера обоих присутствовали одновременно.

Как художественный прием хонкадори опирается на разнообразные литературные реминисценции, возникающие по произволу автора. Однако реминисценции в японской поэзии обладают особыми качествами, вызванными своеобразием поэтической формы и традиции. Лапидарность танка — всего тридцать один слог — не поощряет текстуальные заимствования в виде прямого цитирования, преимущество отдается латентным реминисценциям. Как уже отмечалось, Тэйка ограничивает введение чужого текста из одного источника двумя стихами, сверх того допуская только несколько слогов. Он считает непозволительным увеличивать его до трех стихов, хотя именно такая практика присутствовала в японской поэзии ранее. По наблюдению И. А. Борониной, встречалось много аллюзий, текст которых достигал пятидесяти и более процентов текста стихотворения.

В соответствии с трактатами «Киндайсюка» и «Эйгатайгай», выводятся следующие правила приема хонкадори:.

1) В качестве «изначальной песни» (хонка) следует привлекать наиболее выдающиеся старинные сочинения трех первых императорских антологий «Кокинвакасю», «Госэнвакасю» («Позднее составленное собрание японских песен», 951), «Сюивакасю» («Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии», 1005—1011), используя из них одну или две строки, самое большее — две строки и три-четыре слога.

2) Желательно, чтобы заимствованные строки занимали в новом сочинении иную позицию, нежели в «изначальной песне».

3) Обращаясь к «сезонным» песням, любовным или «смешанным», необходимо вводить их материал в тексты другой тематической направленности.

Эти правила не являлись строго обязательными, но были широко распространены. В зависимости от творческой индивидуальности авторов в них могли вноситься изменения и дополнения. Рейн Рауд, исследуя метод хонкадори в эпоху «Синкокинвакасю», представляет его составной частью обширной литературной области, именуемое “intertextualiti” и заключает, что хонкадори, не отвергая «традиции» (дэнто), предоставляет возможность для свободного изъявления творческого духа поэтов.

Пример использования начального стихотворения (хонка) продемонстрировал американский исследователь Дональд Кин, выбрав знаменитые сочинения из двух императорских антологий. Первое из них принадлежит поэту Хэндзё (816—890) и встречается в «Кокинвакасю» (№ 770):

Ва га ядо ва	*К дому моему*
Мити мо наки мадэ	*Не отыскать уже тропинки.*
Арэникэри	*Все в запустение пришло,*
Цурэнаки хито о	*Покуда ожидала я напрасно,*
Мацу то сэси ма ни	*Что, бессердечного, тебя увижу…*
(Хэндзё)	*(Перевод Т.И. Бреславец)*

Стихотворение, написанное Хэндзё от лица женщины, откликнулось затем в танка принцессы Сикиси (Сёкуси, 1153—1201) из «Синкокинвакасю» (№ 534):

Кири но ха мо	*Листьями павлонии*
Фумивакэгатаку	*Тяжелыми, чтоб улететь,*
Мариникэри	*Засыпан сад.*
Канарадзу хито о	*Хотя, конечно, то не означает,*
Мацу то накэрэдо	*Что тебя я заждалась…*
(принцесса Сикиси)	*(Перевод Т.И. Бреславец)*

В отличие от героини Хэндзё поэтесса надеется на скорую встречу с возлюбленным. В ее стихах обнаруживается и отсылка к сочинению китайского поэта Бо Цзюйи (772—846) из «Ваканроэйсю» («Собрание японских и китайских стихотворений для декламации», 1013), в котором говорится, как он бродит в саду среди опавших листьев павлонии.

Заимствование из двух источников, их сплетение придает стихотворению Сикиси оригинальное звучание.

Хару но ё но	***В грезах весенней ночи***
Юмэ но укихаси	***Воздушный мост возник***
Тодаэситэ	***И вдруг распался —***
Минэ ни вакаруру	***Вершиной разделенные плывут***
Ёкокумо но сора	***Пряди облаков в небе.***
(Фудзивара-но Тэйка)	*(Перевод Т.И. Бреславец)*

В этом стихотворении, написанном в 1198 г., привлекает вторая строка «юмэ но укихаси» — «воздушный мост грез», которая оказывается названием главы из романа «Гэндзи моногатари». В ней говорится о красавице Укифунэ, которая, став монахиней и порвав отношения с миром, печалится о своем возлюбленном — принце Каору, внушившем ей сомнение в правильности избранного пути. Кроме того, «укихаси» отсылает к легендарному времени «устроителей земли» — богам Идзанаги и Идзанами, которые согласно мифу «Кодзики» («Записки о делах древности», 712) взошли на облако (укихаси) и стали водить под ним в хлябях небесных, а когда подняли копье, то упала с него капля и образовался остров. «Укихаси» — это и неустойчивые мостки, которые перекидывают на лодку, спущенную на воду. Энигматический смысл «юмэ но укихаси» призван сотворить образ эфемерных, легко разрушаемых грез, исполненных грусти, смутных видений, воспоминаний о прошлом. Греза поэта находит воплощение в причудливых, изысканных мотивах, в сплетениях ассоциативных нитей, оттенках значений и смыслов. По ассоциации с «Кодзики» во второй строфе танка возникает облачное небо, но этот образ конструируется уже с помощью стихотворения:

Кадзэ фукэба	***Подует ветер —***
Минэ ни вакаруру	***И вершиной разделенные***
Сиракумо но	***Белые облака***
Таэтэ цурэнаки	***Разлетаются, неудержимые.***
Кими га кокоро ка	***Не так ли изменчиво и сердце твое?***
(Мибу Тадаминэ)	*(Перевод Т.И. Бреславец)*

Заимствуется выражение «минэ ни вакаруру кумо» — «вершиной разделенные облака». В стихотворение Тэйка интегрируется более двух стихов неоригинального материала, всего шестнадцать слогов.

На этом примере видна специфика метода хонкадори, применяемого поэтом. Прежде всего обнаруживается множественность источников, но минимальное извлечение из каждого. В такой ситуации привлечение более пятидесяти процентов заимствованного текста не противоречит ограничительным правилам, которые утверждал Тэйка. Затем выявляется насыщенность аллюзии как в случае с «юмэ но укихаси». Многозначность реминисценции становится одним из условий создания полифонического настроя в ассоциативной структуре сочинения.

Таким образом, благодаря намекам и отсылкам к предшествующей поэзии стихотворение Тэйка содержит второй смысл — любовный. По наблюдению исследователя, «наличие хотя бы двух различных художественных «языков», дешифрующих одно и то же произведение искусства, возникающее при этом смысловое напряжение, острота которого состоит в том, что в основе его лежит раздвоение единого — один и тот же текст, истолковываемый двумя способами, выступает как неравный самому себе, и два его значения становятся полюсами конфликта — минимальное условие прочтения текста как художественного. Однако в реальной жизни произведения искусства возникает, как правило, более сложная множественная парадигма кодов, наполняющая текст жизнью, «игрой» многочисленных значений».

Японский литературовед Кубота Дзюн рассматривает в качестве образца метода хонкадори следующее стихотворение:

Кома томэтэ	***Коня придержать,***
Содэ утихарау	***Да рукава отряхнуть —***
Кагэ мо наси	***Не сыскать приюта***
Сано но ватари но	***На дальней переправе Сано***
Юки но юугурэ	***Снежным вечером глухим.***
(Фудзивара-но Тэйка)	*(Перевод Т.И. Бреславец)*

Путник в снежный вечер не может найти пристанища, чтобы остановить коня и отряхнуть налипший снег. Аллюзия восходит к танка из антологии «Манъёсю»:

Курусику мо	***О, как неприятен***
Фурикуру амэ ка	***Хлынувший вдруг ливень***
Мива но саки	***На распутье дальних и чужих дорог!***
Сано но ватари ни	***Возле мыса Мива, переправы Сану,***
Иэ мо аранаку ни	***Нету даже дома, где б укрыться мог!***
(Нага Окимаро)	*(Перевод А. Е. Глускиной)*

Сочинение Тэйка можно сравнить с живописной картиной, но есть мнение, что оно было вызвано действительными впечатлениями. Поэт Иио Соги определил его содержание как «замечательный пейзаж».

В. Н. Горегляд приводит еще одну интерпретацию стихотворения: «Стихи Тэйка в «Новом Кокинсю» на привычном тесном стихотворном пространстве в 31 слог несут повышенную смысловую и эмоциональную нагрузку, требуя от читателя высокой культуры для адекватного их восприятия:

Кома томэтэ	***Схожу конем,***
Содэ утихарау	***Рукав встряхну —***
Кагэ мо наси	***И нет следа.***
Сано но ватари но	***В Сано на переправе снег***
Юки но юугурэ	***В вечерних сумерках.***
(Фудзивара-но Тэйка)	*(Перевод В.Н. Горегляд)*

Речь как будто идет об игре в японские шахматы сёги (все фигуры в них одинаковой формы и размера, а значение каждой фигуры обозначено на ней соответствующим иероглифом).

Сразу же обращает на себя внимание цезура после третьей строки (она очень распространена в стихотворениях антологии) и отсутствие очевидной связи между первой и второй половиной стихотворения: шахматная фигура конь вначале и снег на переправе Сано в конце. Непонятно окончание стихотворения на словосочетании «вечерние сумерки». Дело оказывается в том, что все это стихотворение ориентировано на танка Нага Окимаро... Фудзивара-но Тэйка использовал здесь прием хонкадори. Шахматный конь напомнил ему живого коня, его образ вызвал в воображении картину переправы Сано (древнеяп. Сану), а снег, который легко («без следа») можно стряхнуть с рукава, — ливень, от которого негде укрыться .

Окуда Хисатэру, подчеркивая творческую индивидуальность Тэйка, замечает, что в действительности обращение к песне из антологии «Манъёсю» вызвано только выражением «Сано но ватари» — «переправа Сано», которое обладает свойством ута-макура (топонимическая метафора) как известный топоним, вызывающий различные ассоциации, пробуждающий ответный эмоциональный всплеск .

Подводя итог сказанному, хотелось бы привести слова А. Н. Веселовского (1838—1906), основоположника сравнительно-исторического литературоведения в России: «Все мы более или менее открыты суггестивности образов и впечатлений; поэт более чуток к их мелким оттенкам и сочетаниям, апперципирует их полнее; так он дополняет, раскрывает нам нас самих, обновляя старые сюжеты нашим пониманием, обогащая новой интенсивностью знакомые слова и образы, увлекая нас на время в такое же единение с собою, в каком жил безличный поэт бессознательно-поэтической эпохи. Но мы слишком многое пережили врозь, наши требования суггестивности выросли и стали личнее, разнообразнее; моменты объединения наступают лишь с эпохами успокоенного, отложившегося в общем сознании жизненного синтеза» . Хэйанское время было той эпохой, когда в японской поэзии закрепились устойчивые нормы, канонические требования. Следующие поколения поэтов черпали из этого кладезя богатейший материал поэтических средств, реализуя их потенциал в новых сочинениях.

Фудзивара Тэйка суммировал свои опыты над расширением возможностей приема хонкадори в трактате «Эйгатайгай». Заслуживает внимания и антология трактата, стихи которой поэт назвал шедеврами.

Полная версия статьи — https://m.cyberleninka.ru/article/n/ocherk-stihoslozheniya-fudzivara-teyka

ТОП “Улитки”

1 место

за время, что тебя не было
отшумели клёны
отшумели сплетни...
подросла дочка
и разбила твою чашку

(Валентина Назарова)

ЭВ: Яркий пример современной танка, не отягощенной рукавами кимоно, намокшими от слез. Лексический повтор (отшумели) как прием тут весьма к месту.

МД: Ирония, осколки, завершившие период сложного пути, о котором сказано вскользь, и легкость бытия, обнаруженная нежданно... Дзилинь! — как колокол, отбивающий одну жизнь от другой. И следующая — счастливая. Никак не иначе. Такой посыл получился у автора.

Shen: Удивительно гармоничное стихотворение. Ничего лишнего. Герой танка — спокойный и мудрый человек, охватывающий взглядом весь свой путь сразу, от “когда-то” до “сейчас”, и все же живущий настоящим, бытийствующий во всей полноте, живой и теплый. Очень симпатичное плавное сужение фокуса от бесконечно долгого прошедшего времени до точки разбитой чашки, через умело подобранные промежуточные вехи.

Иса: Танка из конкурса “Сто шагов одиночества...”. И заметьте — ни разу не употреблено ни слово “сабисиса”, ни, собственно, “одиночество”. Кажется — простые перечисления маленькой жизни, а какой огромный мир открывается. Очень женская подача, доверительная, как будто немного жалуясь, а на самом деле не жалуясь совсем — просто и искренне о том, что произошло, пока его не было. И не факт, что это как раз не говорится тому, кого нет. Может он уже и рядом... Такие волшебные сказки, автору огромная благодарность за танка.

Graf Mur: Возрождения ТОПа номера получилось интересным. Отобрать из нескольких сотен всего только три стихотворения — задача головоломная, даже если этот выбор приходится делать в тематическом конкурсе. А тут разностильный и разношерстный стостраничный журнал. И ломаешь голову, кто же лучше, задорный Иваницкий со своей “летящей @” или вдумчивый Михаил Ляблин в “закатном купе”, “спелое манго” далекого африканского хайдзина или родные, как белые березки, “плывущие льдины” Лады Турбиной. Впрочем, по поводу первого места сомнений не было — танка Валентины Назаровой чертовски хороша. Даже этот “отшумевший” повтор уместен, хотя и не бесспорен. Но больше всего “цепляет” современность подхода к сюжету и формату танка, давно утонувшего у нас в бесконечных стилизациях о “мокрых рукавах” и “печальных хризантемах”. Очень хотелось бы, чтобы эта танка стала тем необходимым толчком, который сможет вывести русскую танку из застоя.
По крайней мере, я очень на это надеюсь.

2 место

осенние сумерки
мамин поцелуй
пахнет бархатцами

(Иса)

МД: Игра звуков, которую хочется покатать на языке, — эти самые “бархатцы”(в моих краях их зовут “черно-бривцы”), слабость пожилого человека и мягкость кожи губ — уязвимость лепестков, уют защиты, лёгкая горечь и терпкость, острое ощущение уходящего времени, оттенок сожаления и нестерпимая нежность. Тут и яркий сполох рыжих цветов в сумерках — неожиданный оттенок привычного действия, выхваченный автором. Мимолетное , казалось бы, наблюдение несёт объём глубокого чувства, отпечаток кровной связи, и к тому же оно совершенно не мудреное, естественное, как пожелание “доброй ночи”.

Иса: Благодарю за высокую оценку, ребята. Это когда у тебя в руках охапка этих бархатцев, а мама обнимает и целует на прощание, говорит: “До завтра…”

3 место

деревянная кукла –
сухой смех
африканской девочки

(Аджей Агей Баа)

МД: Читается страшилка, отсыл к “вуду”, страшным народным сказкам для детей африканского континента, несхожесть, возможно, бедность и непростая жизнь. И эти звуки с-с-с “…**с**ухой **с**мех африканской…” добавляют сухости, как вкрадчивое шуршание песчаной змеи. Холодок по коже..

Shen: Да, эти девочка и кукла, это стихотворение — совсем не кажутся рассказом о счастливом детстве. Мне оно навевает смутные кадры, фото голодающих детишек с тонкими ручками-палочками. Это страшно, но по-иному — тем, что ребенок, живущий в не самых светлых условиях, все равно ребенок. Играет с куклой, смеется… Но с КАКОЙ куклой, и КАК смеется. Вся суть в этих не-человеческих эпитетах: сухой, деревянный. Каким-то краем эти эпитеты уводят нас от собственно девочки и показывают еще и картину того, что вокруг: сушь, пыль, пустой простор, скудная природа, бедность. Все вместе звучит мощным аккордом и дает картину, гораздо более обширную, чем просто совокупность отдельных слов. Что, собственно, и отличает настоящее хайку.

Иса: Магия слов, котодама. Кому-то может вычитаться “черный юмор”. Не вижу его. Просто — магия слов. Сухой смех девочки… Кукла-девочка. Может это смех куклы, ее переворачиваешь туда-сюда и она говорит: “Мама, мама… ”. Но нет — это про живую девочку с куклой. Почему-то вспомнился мультипликационный отрывок из рэнку с Басе “Зимние дни”. Та часть, которую анимировал Александр Петров. Там тоже девочка и кукла, одна, только в холодном доме, напуганная. Девочки качают кукол и мир становится гармоничнее, уравновешеннее. Девочки качают кукол и смеются. Девочки дают куклам имена…

Graf Mur: Прикосновение к чужой, далекой жизни. Не страшилка и не сказка, просто момент хайку из далекой Африки. Такой яркий и такой запоминающийся. Ассоциации услужливо подсовывают красноватую сухую, пыльную почву, худенькую девочку в линялом платьице, куклу, разрисованную непонятными нам узорами… И это крепко-крепко закрепляется в памяти. Можно будет забыть потом последовательность слов этого трехстишия, что-то переврать, но образ.., образ останется. Такое вот “чудо хайку”, воплощенное в три строки.

“Улитка” в сети:

Сайт журнала
http://ulitka.haiku-do.com
Facebook-группа
https://www.facebook.com/groups/ulitka.haikai
Livejournal-сообщество
http://ulitka-haikai.livejournal.com

http://www.thehaikufoundation.org/omeka/items/browse?collection=8